

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Давайте на минуту склоним наши головы для молитвы.

Наш благодатный небесный Отец, это действительно привилегия для нас приближаться к Тебе, нашему Богу и Спасителю. Слушая эту чудесную песню “*Как Ты велик*”, мы трепещем, потому что мы знаем, что Ты велик. И мы молим, чтобы Твоё величие вновь проявилось нам в этот день, когда мы будем говорить. И мне выпала участь впервые за многие годы, попытаться вернуться назад в прошедшую жизнь, и я молю, чтобы Ты дал мне силы, и—и в чём я нуждаюсь, Господь, в этот час. И пусть все мои ошибки, сделанные в жизни, помогут другим прийти ближе к Тебе. Даруй это, Господь, пусть грешники увидят следы на песках времени, и пусть они будут приведены к Тебе. Мы просим об этом во Имя Господа Иисуса. Аминь. (Можете садиться.)

[Брат Гловер говорит: “Могли бы вы перед началом помолиться над этими платками?”—Ред.] Буду рад. [“Помолитесь над теми и вот этими”.] Хорошо, сэр, благодарю вас. Как этот освящённый муж, Брат Гловер, которого я знаю уже многие годы, имел честь в прошлый вечер побыть с ним. И он рассказал мне о...некоторое время он был прикован к постели, отдыхал. И теперь, в семьдесят пять лет он опять возвращается к служению Господу. Когда я это услышал — половину моей усталости как рукой сняло. Я думал, что я утомился, а теперь я—я не верю этому. Он положил здесь передо мной несколько платочков, сложенных в конверты и так далее, где они внутри и уже запакованы.

Так вот, все, кто слушает по радио, и кто здесь, кто желает один из платочков, если захотите...Из Храма Ангела их рассылают постоянно, всё время. Вы можете написать сюда в Храм Ангела и они помолятся над этим, потому что, я уверяю вас, что это по Писанию. Это обетование Божье.

А если вы захотите, чтобы я помолился над ним для вас, ну что ж, я буду рад это сделать. Вы только напишите мне на почтовый ящик 3-2-5, 325, Джефферсонвилль, по буквам: Д-ж-е-ф-ф-е-р-с-о-н-в-и-л-ль. Джефферсонвилль, штат Индиана. А если вы не вспомните почтового ящика, просто напишите “Джефферсонвилль”. Это маленький город с населением около тридцати пяти тысяч. Там каждый меня знает. Так что мы будем рады помолиться над платочком и пошлём его вам.

И ныне мы имеем большой успех в этом, потому что...Вы получите об этом письмо небольшой формы, что люди по всему миру молятся каждое утро в девять часов, в двенадцать часов и в три часа. Можете себе представить, по всему миру, в какое время

ночи им приходится вставать, чтобы совершить эту молитву. Так что, если все эти десятки тысяч и множество тысяч в то же самое время посылают молитвы свои Богу за это служение, ваша болезнь, Бог просто не может отвернуться от этого. Вот и мы теперь, как я сказал, у нас нет никаких программ, нам не нужно денег ни цента. Мы просто. . . Если мы можем вам помочь, вот для чего мы здесь. И давайте мы. . .

Кто-то несёт ещё стопку платков.

Теперь, если вы не можете отправить платочек, что ж, тогда просто напишите нам. Если вы сейчас в этом не нуждаетесь, то держите его в Библии, в Книге Деяний, где 19-я глава. Это будет в форме маленького белого лоскутка, который вам пошлут с наставлением, как прежде исповедать свои грехи. И (благодарю вас) как исповедать свои грехи. Вы не должны пытаться получить что-нибудь от Бога прежде, чем не примиритесь с Богом. Видите? И потом вы наставлены в том, чтобы позвать своих ближних и своего пастора. Если в вашем сердце есть что-нибудь против кого-то, прежде идите приведите в порядок, и возвращайтесь. И тогда молитесь, пусть в вашей семье будет молитвенное собрание, и приколите этот платочек к вашей нижней одежде, тогда верьте Богу. И в те три назначенных часа, каждый день, по всему миру будут молиться люди, такая цепь по всему миру.

И теперь это ваше, совершенно бесплатно, просто пошлите. И—и теперь, мы не будем писать вам обратно, надоедать вам, требовать платы или же рассказывать вам о какой-то нашей программе. Мы хотим, чтобы вы поддерживали программу, но у нас нет никакой, чтобы поддерживать материально. Видите? Так что вы. . . Это не для того, чтобы иметь ваш адрес, это просто согласование и служение Господа, которое мы стараемся продолжать.

Теперь давайте склоним наши головы. Если вы слушаете по радио, пусть там лежит ваш платок, просто положите на него вашу руку во время нашей молитвы.

Благодатный Господь, мы приносим к Тебе эти пакетики, может быть, в некоторых из них похоже, что детская рубашечка, или—или какая-нибудь маечка, а может быть, пара тапочек, или—или что-то, платок, который направится к больному и страдающему. Господь, мы делаем это в согласии со Словом Твоим. Ибо мы читаем в Книге Деяний, что они брали с тела слуги Твоего Павла платки и опоясания, потому что они верили, что Твой Дух был на этом человеке. И нечистые духи выходили из людей, болезни и недуги оставляли их, потому что они верили. Мы понимаем, Господь, что мы не Святой Павел, но мы знаем, что Ты всё тот же Иисус. И мы молим, чтобы Ты почтил веру этих людей.

И было сказано однажды, что когда Израиль (стараясь слушаться Бога) попал в западню, перед ними море, с другой

стороны горы, и приближается армия фараона. И как один сказал: “Бог взглянул вниз сквозь тот Огненный Столп гневным взором, и море в испуге откатилось и открыло путь для Израиля к обетованной земле”.

О Господь, вновь взгляни вниз, когда эти пакеты положат на больные тела в ознаменование Твоего живого Слова. И пусть болезнь испугается, взгляни через Кровь Твоего Сына, Иисуса, Который умер для этого искупления. И пусть враг испугается и удалится, чтобы эти люди могли двигаться в обетование, что “Превыше всего”, что это Твоё желание “чтобы мы процветали в здравии”. Даруй это, Отец, ибо мы отправляем это с таким—с таким отношением в нашем сердце. И это наша цель. Мы посылаем это во Имя Иисуса Христа. Аминь.

Благодарю вас, Брат Гловер. Благодарю вас, сэр.

Так, сегодня вечером заключительная часть этого пробуждения, и я не знаю, будет ли это транслироваться по радио или нет, (если нет), то я хотел бы сказать радиослушателям, что это у меня были одни из самых замечательных собраний за многие-многие годы. Это была укрепляющая, здравая, полная любви, такая встреча сотрудничества, на какой я не был уже долгое время.

[Брат говорит: “Мы будем в эфире до 15-ти минут пятого, брат. Вас слушают по всей северной Калифорнии, и на островах, и на кораблях. Мы получаем от них сообщения. Так что у вас большая аудитория, тысячи и десятки тысяч”.—Ред.] Благодарю вас, сэр. Это очень хорошо. Рад это слышать. Благословит Бог всех вас.

Конечно, моё сердце всегда согревают воспоминания о Храме Ангела, ибо здесь стоят за полное Евангелие Иисуса Христа. И, теперь это место мне кажется ещё более близким. Кажется, будто, после встречи со всеми и чувствуя их замечательный дух, кажется, что я ещё больше стал одним из вас, чем был раньше. Да благословит вас Бог, это моя молитва. И... [Аудитория аплодирует—Ред.] Сердечно вас благодарю.

Так вот, было объявлено, что сегодня я как бы расскажу вам немного о *Истории Моей Жизни*. Для меня это вещь трудная. Это будет первый раз за многие годы, когда я попытаюсь об этом рассказать. У меня не будет времени вдаваться в подробности, просто какую-то часть. Да, здесь я сделал много ошибок, многое делал неправильно. И я хотел бы, чтобы те, кто слушает по радио, и те, кто присутствует, чтобы мои ошибки вы рассматривали не как камни преткновения, но как камни, ступая по которым, вы пришли бы поближе к Господу Иисусу.

Затем, сегодня вечером будут раздаваться молитвенные карточки для вечернего служения исцеления. Теперь, когда мы говорим *ослужении исцеления*, это не означает, что мы

собираемся исцелить кого-то, мы собираемся “молиться за кого-то”. Бог производит исцеление. Он просто был слишком благ ко мне, отвечая на молитвы.

Некоторое время назад я разговаривал с менеджером одного известного евангелиста, и—и спросили, почему этот евангелист не молится за больных. И евангелист дал ответ менеджеру моих собраний, сказал: “Если. . . Этот евангелист верит в Божественное исцеление. Но если бы он начал молиться за больных, то это помешало бы его служению, потому что его финансируют церкви. Многие церкви, и многие из них, не верят в Божественное исцеление”.

У меня к этому евангелисту почтение и уважение, потому что он стоит на своём месте, на своём боевом посту. Возможно, он мог бы. . . Я никогда не занял бы его места, и я сомневаюсь, что он смог бы занять моё место. У каждого из нас есть место в Царствии Божьем. Мы все соединены вместе. Различные дары, но тот же самый Дух. Я хотел сказать: разные проявления, но тот же самый Дух. Теперь, сегодня вечером служения начнутся. . . думаю, что они сказали, что программа начинается в 6:30. И, теперь, если вы на радиоволне, то послушайте это. Это. . . это будет прекрасно, как всегда.

И потом я хотел бы сказать, что молитвенные карточки будут розданы сразу же после этого служения, как только будет распущено собрание, если вы останетесь здесь и захотите молитвенную карточку. Мне здесь сообщили несколько минут назад, мой сын или г-н Мерсер или г-н Гоуд, они будут раздавать молитвенные карточки. Просто оставайтесь на своём месте. Как только собрание будет распущено просто оставайтесь на своём месте, чтобы ребята могли пройти по рядам и как можно быстрее раздать молитвенные карточки. Это будет в зале и на балконах, везде, на нижних ярусах, где бы вы ни были, просто оставайтесь на своём месте и ребята будут знать, что вы здесь за молитвенной карточкой. И потом сегодня вечером мы будем молиться за больных. И если Господь не поменяет мои намерения, я желаю сегодня вечером проповедовать на тему: *“Покажи нам Отца и довольно для нас”*.

Теперь я желаю прочесть сегодня для этой темы, просто, чтобы начать *“Историю Жизни”*, в Послании к Евреям в 13-й главе мы находим, давайте начнём где-то. . . я сказал бы, где-то с 12-го стиха.

Поэтому Иисус также, чтобы освятить людей Своей собственной Кровью, пострадал вне врат.

Итак выйдем. . . к Нему за стан, нося Его поругание.

Ибо мы не имеем здесь постоянного города, но ищем будущего.

Вот такой текст. Потому что, видите ли, если это история жизни, или что-либо относящееся к человеческому существу, мы

этого не прославляем, и в особенности человеческое прошлое, если оно настолько тёмное, насколько было моё. Но я подумал, если мы читаем Писание, Бог благословит Писание. И моя мысль такая:

Что мы не имеем здесь постоянного города, но ищем будущего.

Так вот, я знаю, что вы очень любите Лос-Анджелес. Вы имеете на это право. Это большой прекрасный город. С его копотью и ещё чем-то, однако это прекрасный город, замечательный климат. Но этот город не будет продолжаться вечно, должен наступить конец.

Я стоял в Риме (где великие императоры) и города, которые, они думали, построены для бессмертия, закопаны на шестиметровой глубине, даже трудно найти их руины.

Я стоял там, где у фараонов были их великие царства, и вам придётся глубоко раскапывать, чтобы найти, где же там правили великие фараоны. Всем нам нравится думать о нашем городе и о наших местах. Но запомните, это не устоит.

Когда я был маленьким мальчиком, я ходил к огромному клёну. В нашей местности было много твёрдых пород. И потом у нас были эти кленовые деревья, сахарный клён, и как мы называем “твёрдый” и “мягкий клён”. Это крепкое огромное дерево, это было самое красивое дерево. И когда я приходил с полей, работая на сене или на сборе урожая, я любил пойти к этому большому дереву, сесть под ним и смотреть вверх. И я видел его огромный ствол, и сильные, могучие ветви качались на ветру. И я сказал: “Вы знаете, я думаю, что это дерево будет стоять здесь сотни и сотни лет”. Не так давно мне довелось взглянуть на то старое дерево — это просто коряга.

“Ибо не имеем здесь постоянного города”. Нет, здесь на земле, на что вы ни взглянете, вы не найдёте ничего постоянного. Этому наступает конец. Всё, что смертное, находится далеко от вечности. Так что, не важно, насколько хорошими мы строим наши шоссе, какие замечательные делаем сооружения, — это всё уходит, ибо здесь нет ничего постоянного. Постоянно длится только Невидимое.

Я вспоминаю дом, в котором мы жили, — это была старая избушка, замазанная грязью. Я. . . Может быть многие и не видели такой мазанки. Но он был весь замазан грязью, и большие массивные брёвна, как бывает в старом доме, я думал, что тот дом простоят сотни лет. Но, вы знаете, там, где стоял этот дом, сегодня проходит строительство. Место сильно изменилось. Всё меняется. Но. . .

И я смотрел на своего отца, он был невысокий и коренастый, очень сильный, из невысоких он был, насколько я знаю, одним из самых сильных. Я встретил господина Кутса, он работал с ним на

лесозаготовках, он был лесорубом, где-то год назад, и г-н Кутс мой очень хороший друг, он дьякон в Первой Баптистской церкви, и он сказал: “Билли, ты, должно быть, очень сильный человек”.

Я сказал: “Нет, вовсе нет, г-н Кутс”.

Он сказал: “Если ты в отца, то должен быть таковым”.

Сказал: “Я видел, как этот парень, который весил сто сорок фунтов [около 63 кг—Пер.], один загрузал в вагон бревно весом девятьсот фунтов [примерно 400 кг—Пер.]”. Он знал, как это делать. Он был сильный. Я наблюдал за ним, как он входил, умывался и готовился к обеду, когда мама его звала.

И у нас во дворе стояла старая яблоня, и там ещё за домом были три или четыре небольших. И как раз посередине дерева было старое побитое зеркало, довольно широкое. Было прикреплено к стволу дерева загнутыми гвоздями. Что-то вроде, как столяры, которые слушают, назвали бы “вешалками”. Они были загнуты, чтобы удерживать зеркало на месте. Там был старый оловянный гребень. Кто из вас когда-нибудь видел старый оловянный. . .старомодный оловянный гребень? Я просто вижу перед глазами.

И потом там была скамейка для умывальника, просто короткая доска с косыми ножками под ней, прикреплённая к дереву. Там была маленькая старая зеленая помпа, которой мы качали воду, и мы умывались возле того старого дерева. А мама брала мешки из-под муки и делала полотенца. У кого-нибудь было полотенце из мучного мешка? Ну, я чувствую себя прямо как дома. Это такие большие грубые полотенца! И когда она купала нас, малышей, она. . .казалось будто кожу сдирают, каждый раз когда она вытирала. Я вспоминаю тот мешок от муки. Она вытягивала из него несколько нитей и получалась бахрама, как бы для украшения.

А кто из вас спал когда-нибудь на соломенном матрасе? Ну, ты подумай, а! А кто из вас знал, что такое подушка с мякиной? Ну да. Брат Гловер, я у себя дома, это точно! Соломенный матрас, ещё бы, не так давно я его сменил, это было. . .О-о, хорошо спать, свежо. Потом в зимнее время они брали матрас с перьями и клали на него, вы знаете, и потом клали на нас сверху кусок брезента, потому что, понимаете, задувало снег в щели дома, где отходила старая кровельная дранка, вот, и через неё задувало снег. О-о, я это помню очень хорошо.

И потом, у папы была такая кисточка для бритвы. Я. . .Ну вы сейчас удивитесь. Она была сделана из кукурузной мякины, кисточка для бритвы из кукурузной мякины. Он брал мамино щёлочное мыло, которое она делала, взбивал его и наносил на своё лицо этой кисточкой из кукурузной мякины, и брился старой прямой бритвой. А в воскресенье он брал куски газеты, заправлял за свой воротничок, они носили целлулоидные воротнички и

закладывали вот так вокруг воротничка, чтобы мыльная пена не попала на воротник рубашки. Вы когда-нибудь видели, как это делают? Ух-ты, ай-ай-ай!

Я вспоминаю старый ручеёк там внизу, куда мы ходили попить водички, и доставали оттуда воду ковшом, сделанным из тыквы. Кто из вас видел когда-нибудь ковш из тыквы? Ну надо же, так сколько же вас здесь из Кентукки? Н-да, пожалуйста, взгляните на этих кентуккийцев. Что ж, ого, я прямо как... я думал, что здесь все из Огайо и Арканзаса, но кажется, что понаехали кентуккийцы. Ну да, несколько месяцев назад они нашли нефть в Кентукки, вы знаете, так что некоторые из них проезжают этой дорогой.

И потом я помню, когда папа заходил и умывался перед обедом, он закатывал рукава на своих коротких крепких руках. И когда он умывался, бросал руками воду себе в лицо, эти тугие мускулы на руках перекатывались. И я говорил: “Вы знаете, мой папа будет жить сто пятьдесят лет”. Он был таким сильным! Но он умер в пятьдесят два. Видите? “Здесь мы не имеем постоянного города”. Это верно. Мы не постоянны.

Теперь давайте мы все совершим небольшую прогулку. У каждого из вас есть история жизни, также как у меня, и это хорошо иногда прогуляться по тропинке памяти. Разве не так? Просто обернуться назад, давайте все немного пройдемся назад, обратно к переживаниям детства.

А теперь первая часть истории жизни. Я только слегка коснусь её, потому что это есть в книге, которую имеют многие из вас.

Я родился в горной избушке, в горах Кентукки. У них была одна комната, в которой мы жили, на полу не было никакого коврика, не было даже досок, это был просто голый пол. И пень, срезанная верхушка пня с тремя ножками — это был наш стол. И все эти маленькие Бранхамы толпились вокруг него, и там перед этой старой избушкой, барахтались там, выглядело будто мышата барахтались там в пыли, знаете, все эти маленькие братишки. Нас было девять, и одна маленькая девочка, и у неё действительно было тяжёлое время среди той кучки мальчишек. Мы сегодня должны уважать её за те дни. Она не могла ходить с нами повсюду, мы обгоняли её, она была девочка. Так что не было такого обхождения, вы знаете. У нас было... И все... .

Помню, за столом у нас было два стула, они были сделаны из прутьев. Просто сплетены побеги гикори, и основание отделано корой гикори. Кто-нибудь видел стул из коры гикори? Да-а. Я ещё слышу мамин голос. О-о, когда мы позже уже заимели деревянный пол, она с этими малышами на коленях *вот так*, и раскачивая этот старый стул, просто громыхал по полу. И я помню, как закрывала, чтобы малыши не выходили за дверь, когда

она стирала или ещё что-то, она клала стул поперёк двери, чтобы малыши не выбрались наружу, когда она ходила к источнику за водой, и так далее.

Когда я родился, маме было пятнадцать лет, а папе восемнадцать. Я был первым из девяти детей. И они рассказывали мне, что в то утро, когда я родился. . .

Теперь, мы были очень бедными, просто бедные из бедных. У нас даже не было окна в этой избушке. Это была как бы деревянная дверца, которая открывалась. Сомневаюсь, что вы когда-нибудь видели что-то подобное. Деревянная дверца вместо окна, которая открывалась, её держали днём открытой, а на ночь закрывали. В те дни у нас не было электрического света и даже не могли зажечь керосинку, у нас была, как вы называете, “сальная лампа”. Не знаю, знаете вы или нет, что это за “сальная лампа”. Ну что ты будешь. . . Вы когда-нибудь покупали. . . зажигали пучок сосновых веток? Просто берёте пучок смолистых сосновых веток, поджигаете и кладёте на крышку, они горят. И это. . . немного коптит, но, во всяком случае, у них не было мебели, чтобы прокоптить. Так что. . . изба была прокопчёная. Но хорошо тянуло через крышу, там через неё хорошо проходило. Так что. . .

Я родился 6 апреля 1909 года. Так что, вы знаете, мне сейчас немного за двадцать пять. И вот так, в то утро, когда я родился, мама рассказывала, что они раскрыли то окошко. Вот, докторов у нас не было, была повивальная бабка. Просто. . . И этой повивальной бабкой была моя бабушка. И когда я родился и раздался мой первый крик, и—и мама захотела увидеть своего ребёнка. А она и сама-то была ещё ребёнок. И когда они раскрыли это окошко, как раз на рассвете, около пяти часов. И. . . И там на краю куста сидела малиновка. Как все вы видели её на картинке в моей книге о моей истории жизни. Та малиновка сидела там и просто пела, что было сил.

Я всегда любил малиновку. Вот, вы, мальчишки, что слушаете по радио, не стреляйте в моих птичек. Видите ли, они—они—они. . . Они мои птички. Вы когда-нибудь слышали легенду о малиновке, как она заимела красную грудку? Остановлюсь на минуту. Как она заимела свою красную грудку. . . Однажды на Кресте умирал Царь царей, и Он страдал и никто не пришёл к Нему. И некому было помочь Ему. И там была маленькая коричневая птичка, она захотела вытащить из Креста те гвозди, и она всё подлетала к Кресту и дёргала за те гвозди. Она была слишком маленькой, чтобы их вытянуть, и вся её маленькая грудка стала красная от крови. И с тех пор её грудка красная. Не стреляйте в неё, ребята. Оставьте их в покое.

Она сидела возле окна, чирикающая, как обычно поют малиновки. И папа распахнул окно. И когда распахнули окно, тот Свет, который видите на фотографии, вращаясь вошёл в окно, говорит моя мама, и завис над кроватью. Бабушка не знала, что и сказать.

Вот, мы...не были религиозной семьёй. Мои родственники католики. И я с обеих сторон ирландец. Мой отец чистый ирландец, Бранхам. Моя мать Харви; только, её отец женился на индианке из племени черокí, так что это смешало немного ирландскую кровь. Отец и мать не ходили в церковь, они женились не в церкви и у них вообще не было никакой религии. И там в горах не было даже католической церкви. Так что они оба, эти Бранхамы, перебрались туда среди ранних поселенцев, и с той весны пошло поколение Бранхамов; это родословная фамилии.

И тогда она открыла...Когда они раскрыли это окно и там встал этот Свет, они не знали, что делать. А папа в честь этого события купил себе (мама рассказывала) новый комбинезон. И он стоял...свои руки он держал в нагруднике комбинезона, как лесники и лесорубы в те дни. И это напугало их.

Вот, и когда мне было уже дней десять, или где-то так, они понесли меня в Баптистскую церковь под названием “Царство Опоссумов”, Баптистская церковь Царства Опоссумов. Хорошенькое название. Там был священник, старомодный баптистский проповедник где-то раз в два месяца проезжал по тем местам. На...У людей было небольшое совместное служение, они пели несколько песен, но проповедь звучала, когда приезжал этот священник. Каждый год они платили ему по мешку тыквы и ещё что-то подобное, понимаете, что люди выращивали для него. И тот проповедник проезжал, и он совершил молитву за меня, как за маленького мальчика. Это было моё первое путешествие в церковь.

В возрасте примерно...где-то чуть больше двух лет, произошло первое видение.

Да, а там вокруг в горах рассказывали, что “вошёл тот Свет”. Они пытались это как-то объяснить. Некоторые из них говорили, что это, должно быть, солнечный свет отражался в зеркале в доме. Но там не было никакого зеркала. И солнце ещё не взошло, было слишком рано, пять часов. И тогда, а-а, они просто обходили Это. И когда мне было около...полагаю, что около трёх лет... .

Теперь, я должен честно признаться. Есть вещи, которые мне не хотелось бы говорить, и я желал бы их обойти и не говорить этого. Но однако, говоря правду, ты должен говорить правду — будь это о тебе или о твоих родных. Быть честным в этом, и таким образом всегда.

Мой отец был далеко не религиозным человеком. Он был типичным горным парнем, всё время выпивал, постоянно. И он попал в передрагу, в какой-то драке, и там в драке двое или трое мужиков чуть друг друга не постреляли и не порезали ножами, на какой-то вечеринке в горах. А папа был одним из зачинщиков этой драки, потому что там обидели его друга, и тот запустил в кого-то стулом. И был...А тот человек выхватил нож и собирался прирезать тут же на полу папиного друга ударом в сердце, и папа

заступился. И это, должно быть, действительно была ужасная драка, потому что они аж из Бурксвилла, за много миль оттуда, они направили за отцом шерифа, на лошади.

Жизнь того человека висела на волоске. Может быть, кто-то из его родных слушает. Я назову его имя, его звали Уилл Ярброуг. Они, возможно. . . Я думаю, некоторые из них в Калифорнии, из его сыновей. Но он был задира, очень здоровый мужик, своего же собственного парня прибил колом от забора. Так что он—он был очень мощный и злой человек. И так между ним и моим отцом произошла сильная драка на ножах. И мой отец чуть его не убил, так что ему пришлось бежать из Кентукки через реку в Индиану.

И у него был брат, который жил в то время в Луисвилле, в Кентукки, был помощником управляющего “Вуд Мозаик Миллс” в Луисвилле, Кентукки. И так папа направился на поиски своего старшего брата. Папа был самым младшим из ребят, из семнадцати детей. И так он пошёл разыскать своего старшего брата, и он пропал почти на целый год. Он не мог вернуться, потому что его разыскивали. И потом мы получили от него письмо, подписанное другим именем, там он говорил маме, каким образом будут поддерживать связь.

И ещё вспоминаю, однажды у ручья, что был как раз за домом (за этой хаткой). В то время после. . . девять. . . одиннадцать месяцев между мной и моим следующим братом, и он ещё ползал. И у меня в руке был большой камень, и я пытался показать ему, как сильно я мог кинуть тот камень в грязь, там где из земли вытекал ручей и была грязная почва. И я услышал птичку, она пела на дереве. Я взглянул на то дерево и птичка улетела, она улетела и Голос проговорил ко мне.

Да, я знаю, вы думаете, что я не мог думать и запомнить это. Но Господь Бог Судья, небо и земля и всё что есть, знают, что я говорю правду.

Когда улетела та птичка, с того места, где сидела птичка на дереве, раздался Голос, будто ветер подул в кустах, и сказал: “Ты будешь жить недалеко от города по названию Нью-Олбани”. И я жил, с трёхлетнего возраста до сего времени, в трёх милях от Нью-Олбани, Индиана.

Я пошёл и рассказал об этом моей матери. И что ж, она подумала, что мне просто приснилось или ещё что-то.

Позже мы переехали в Индиану, и отец пошёл работать к богатому человеку, к мистеру Уотену. Он владелец “Уотен Дистилерис”. Он владелец огромных акций; он мультимиллионер, и “Луисвилл Кэнлс”, и—и бейсбол и так далее. Тогда мы жили там вблизи. И папа был бедным, однако он не мог обходиться без выпивки, так что он—он начал делать виски перегонным аппаратом.

И тогда на меня лёг тяжкий труд, потому что я был старшим из детей. Мне приходилось ходить и носить воду для этого

перегонного куба, чтобы охлаждать эти змеевики, когда они делали виски. Потом он продавал это, и потом он заимел два или три таких перегонных аппарата. Вот, мне не нравится рассказывать эту часть, но это правда. Я помню, как однажды я шёл из сарая в дом и плакал. Потому что там на краю местечка был пруд, это... где они рубили лёд. Многие из вас помнят, когда рубили лёд и складывали его в опилки. Да, таким образом мистер Уотен в той местности хранил лёд. А отец был у него шофёром, личным шофёром. И когда... этот пруд был полон рыбы, и когда они ходили рубить лёд и носили его, и складывали его в опилки, и когда этот лёд в летнее время таял, я думаю, он был довольно чистый, как лёд из озера, и они использовали его не для питья, но для охлаждения воды, обкладывали им свои вёдра и молоко, и так далее.

И однажды я таскал воду из этой колонки, которая была на расстоянии квартала. Я недовольно бормотал, глядя на тех, кому не приходилось, потому что я приходил со школы, а все мальчики уходили на пруд ловить рыбу. Я любил ловить рыбу. И, таким образом, они все, кроме меня, шли ловить рыбу, а я должен был таскать воду для этого перегонного аппарата. Конечно, ой-ой-ой, об этом был молчок, это было запрещено. И я... Это было так тягостно. Я помню, как я ходил с ушибленным пальцем на ноге, и у меня была кукурузная кочерыжка, привязанная под большим пальцем ноги, чтобы не становиться им в грязь. Вы когда-нибудь делали так? Просто *вот так* привязываешь верёвкой кукурузную кочерыжку под большим пальцем ноги. И палец торчит кверху, как голова черепахи, понимаете, торчит кверху. Вы везде смогли бы разыскать меня, куда бы я ни пошёл с этой кукурузной кочерыжкой под пальцем; куда я ковылял с ним, понимаете. Я не носил обувь, у меня её не было. Так что, мы никогда не носили обувь, иногда ползимы. Если носили, мы... это было только то, что нам подбрасывали, кто-нибудь нам давал. И одежду, которую кто-нибудь нам милосердно давал.

И я остановился под этим деревом, и я сидел там и всхлипывал (это было в сентябре), потому что я хотел пойти на рыбалку, я должен был натаскать несколько бочонков воды маленькими вёдрами для патоки, *вот такой* высоты, по два литра, потому что я был просто малыш лет семи. И я выливал их в большой бочонок и шёл обратно, и приносил два других ведра и опять шёл, и накачивал их. Вот такая у нас была вода. И они собирались в ту ночь, там в доме, прогнать замес кукурузного виски, отец и тот человек.

И я рыдал, и вдруг я услышал какой-то шум, похожий на вихрь, что-то вот такое (я надеюсь, не получится слишком громко), вот так: “Хш-ш-ш-ш, хш-ш-ш-ш”, просто вот такой шум. Что ж, было очень тихо, и я оглянулся вокруг. И знаете что, лёгкий вихрь, я думаю, вы называете их маленькими циклонами? Осенью они проходят по кукурузным полям, вы знаете, срывая

листья, и так далее, и осенью там листья как раз начинали желтеть. И я был под большим белым тополем, стоящим на полпути между конюшней и домом. И я услышал тот звук. И я оглянулся, и там было так тихо, как в этом помещении. Нигде не шуршали листья, ничего такого. И я подумал: “Откуда идёт этот шум?” Вот, я подумал: “Должно быть далеко отсюда”. Просто малыш. Он становился громче и громче.

Я подхватил свои ведёрки и всхлипнул ещё пару раз и пошёл по тропинке, я отдыхал. И я сделал только несколько шагов из-под ветвей этого большого дерева, и, ой, — звук вихря. И я оглянулся, и где-то посередине дерева было завихрение, кружилось и кружилось в том дереве, двигая листья. Что ж, я подумал, ничего в этом странного, потому что в такое время года, осенью, обычно бывают такие завихрения. Маленький. . . Мы называем их “завихрения”. Они захватывают пыль. Вы их видели в пустыне. То же самое. Итак я смотрел, но оно не уходило. Обычно, это просто такой порыв на какой-то момент, и потом движется, но это было там уже две минуты или больше.

Что ж, я опять двинулся по тропинке. И я снова оглянулся взглянуть на это. Как только Это опять случилось, человеческий Голос, также громко, как мой теперь сказал: “Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никоим образом. Для тебя будет труд, когда станешь старше”. Ещё бы, это напугало меня до смерти! Можете представить, как этот малыш себя почувствовал. Я уронил те ведра, и что было сил помчался домой, крича во весь голос.

А в той местности были мокасиновые змеи, они очень ядовитые. Мама подумала, что может быть, я наступил на мокасиновую змею, когда шёл вдоль сада и она побежала меня встретить. И я прыгнул ей на руки, крича, обнимая и целуя её. Она спросила: “Что такое, тебя укусила змея?” Осмотрела меня всего.

Я сказал: “Нет, мама! Там на том дереве человек”.

Она сказала: “Ох, Билли, Билли! Ну мошенник!” И она сказала: “Может ты перестанешь и пойдёшь спать?”

Я сказал: “Нет, мамочка! Там на дереве человек, и Он сказал мне не пить и не курить”.

“Не пить виски и всё такое”. А я как раз тогда носил воду для самогонного аппарата. И Он сказал: “Никогда не пей и не оскверняй своего тела никоим образом”. Это аморально, вы знаете, и мой ребёнок. . . молодые мужчины с женщинами. И хорошо, что я ни разу не был в таком виновен. Господь помог мне в этом, я буду продолжать и вы увидите. И вот тогда: “Не пей и не кури, и не оскверняй своего тела, ибо будет труд для тебя, когда станешь старше”.

Что ж, я рассказал это маме, а—а она только посмеялась. А я был просто в истерике. Она вызвала доктора, и доктор сказал:

“Что ж, он просто перенервничал, вот и всё”. Итак, она уложила меня спать. И я никогда, с того дня и до сих пор, больше никогда не проходил около того дерева. Я испугался. Я спускался по другой стороне сада, потому что я думал, что там на дереве сидел человек, и Он обращался ко мне, тот сильный Голос, что говорил.

И потом где-то через месяц после этого, я играл во дворе с моими маленькими братьями в шарики. И вдруг на меня нашло странное ощущение. И я остановился и сел возле дерева. И мы были как раз на берегу реки Огайо. И я взглянул в направлении Джефферсонвилля, и я увидел, как поднимается мост через ту реку. И я увидел шестнадцать человек (я сосчитал их), которые свалились оттуда и потеряли жизнь свою на том мосту. Я быстро побежал и рассказал это своей маме, и она подумала, что я просто заснул. Но они запомнили это, и двадцать два года спустя теперь муниципальный мост (многие из вас переезжают, когда едут туда) переброшен в том самом месте, и шестнадцать человек потеряли жизнь свою при строительстве того моста через реку.

Всегда безошибочно, всегда совершенно верно. Как вы видите Это здесь в аудитории, таким образом это было всегда.

Так вот, они подумали, что я был просто нервным. Конечно, я нервный человек, это правда. И, если вы замечали, люди, которые склонны к духовному — они нервные.

Взгляните на поэтов и на пророков. Взгляните на Уилльяма Коупера, который написал ту знаменитую песню: “Источник жизни Бог открыл”. Вы когда-нибудь. . . Вы знаете эту песню. Не так давно я стоял у его могилы. Брат Юлиус, я думаю, я не знаю, не. . . да, это верно, был с нами там на его могиле. И там, после того, как он написал ту песню, вдохновение оставило его, и он пытался найти реку, чтобы совершить самоубийство. Видите, дух оставил его. И люди, подобные поэтам и авторам и. . . то есть нет. . . я имею в виду пророков.

Взгляните на Илию, когда он встал на горе и вызвал с небес огонь, и вызвал с неба дождь. Потом, когда Дух оставил его, он бежал от угроз женщины. И Бог нашёл его там в пещере, спустя сорок дней.

Взгляните на Иону, было достаточно вдохновения, когда Господь помазал его проповедовать в Ниневии, да так, что город величиной с Сент-Луис покаялся, посыпая голову пеплом. И потом, когда Дух оставил его, что с ним произошло? Мы находим его на горе после того, как Дух оставил его, умоляющим Бога забрать его жизнь. И, вы видите, это вдохновение. И когда это происходит, это—это что-то с тобой делает.

Потом я вспоминаю дальше. Я стал юношей. (Со следующей частью я немного потороплюсь.) Когда я был юношей, у меня были мысли, как у юношей. Я. . . ходил в школу, там я видел этих девочек. Вы знаете, я был очень застенчивым, знаете. И я—я, наконец, начал дружить с девочкой. Так же как и все мальчики

лет пятнадцати, я думаю. И—и вот так, о, она была хорошенькая. Ещё бы, глазки у неё были, как у голубки, зубки у неё были, как жемчуг, а шея, как у лебедушки, и она—она была действительно хорошенькая.

А другой мальчик, он. . . мы были приятелями, так что он взял у папы старенького “Форда” модели “Т”, и мы назначили нашим девочкам свидание. И мы собрались поехать с ними кататься. У нас было достаточно денег купить литров восемь бензина. Нам пришлось поднять на домкрат заднее колесо, чтобы завести рукояткой. Я не знаю, помните вы или нет, как заводят рукояткой. Но мы—мы довольно хорошо прокатились.

А у меня в кармане было несколько пятаков, и мы остановились в местечке, и взяли. . . за пятачок можно было купить бутерброд с ветчиной. И так, о-о, я был богатый, я смог купить четыре штуки! А? И потом мы съели эти бутерброды и выпили кока-колы. И я пошёл вернуть бутылки. И к моему удивлению, когда я вышел, (в те времена женщины как раз стали уходить с пути истинного, от женственности) моя голубка курила сигарету.

Я всегда имел своё мнение о курящей женщине, и оно ни на каплю не изменилось с того времени. Это верно. Это самое низкое, что она может делать. Совершенно верно. И я—я подумал. . . Что ж, сигаретная компания разойдется на меня за это, но, я говорю вам, это просто дьявольский трюк. Это самый большой убийца и диверсант в этой стране. Я предпочёл бы, чтобы мои дети были пьяницами, чем курильщиками. Это правда. Я предпочёл бы видеть как моя жена лежит на полу пьяная, чем видеть её с сигаретой. Вот как. . .

Так вот, Дух Божий, Который во мне, если Это Дух Божий (как вы, может, спрашиваете), когда вы, курильщики, оказываетесь там, у вас почти нет шансов, потому что это просто. . . каждый раз. Вы обратили внимание, как там на платформе Он осуждает это. Это ужасная вещь. Держитесь от этого подальше. Женщины, если вы виновны в этом, прошу во Имя Христа, бросьте это! Это ломает вас. Это убьёт вас. Это. . . это—это рак целыми вагонами.

Врачи пытаются вас предостеречь. А они потом продают вам эту дрянь! Если бы вы ходили в табачный магазин и говорили: “Покупаю. . . я хочу купить рак за пятьдесят центов”. Они бы их позакрывали. Но когда ты за пятьдесят центов покупаешь сигареты, ты покупаешь то же самое. Так говорят врачи. О-о, этот народ помешался на деньгах. Как ужасно. Это убийца. Это доказано.

Что ж, когда я увидел, что эта хорошенькая девочка ведёт себя, как деловая, с этой сигаретой в руке, это чуть не убило меня, потому что я действительно думал, что люблю её. И я подумал: “Ну что ж. . .”

Так вот, меня обзывали “женоненавистником”, вы это знаете, потому что я как будто всегда против женщин, но я не против вас, Сёстры. Я просто против того, как себя ведут современные женщины. Это верно. Хорошие женщины должны держаться в стороне.

Но я вспоминаю, когда у моего отца работал этот самогонный аппарат, мне приходилось ходить за водой и всё такое, видел молодых дамочек, которым ещё не было семнадцати-восемнадцати лет, и там с мужчинами моего возраста, пьяные. И им приходилось их протрезвлять и давать им чёрный кофе, когда те отпраивались готовить ужин своим мужьям. Вот такие вещи, я сказал: “Я...” Тогда я отпускал такие реплики: “Они не заслуживают чистой пули, чтобы их пристрелить”. Это верно. Я не любил женщин. Это верно. И сейчас я должен следить, чтобы так не думать.

Но вот хорошая женщина — это драгоценность в венце мужа. Её надлежит уважать. Она... Моя мама — женщина, моя жена — женщина, они очень милые. И у меня есть тысячи Христианских Сестёр, которых я очень уважаю. Но если—если они почитают то, чем Бог их сделал, — материнство, быть настоящими королевами, это хорошо. Из всего лучшего, что Бог мог дать мужчине — это была жена. Жена, если это хорошая жена, — является самым лучшим, не считая спасения. Но если нет, как сказал Соломон: “Добродетельная жена — венец для мужа своего, а позорная или же плохая — как гниль в костях его”. И это верно, это самое плохое, что может произойти. Так что добрая женщина... Если у тебя добрая жена, брат, ты должен в высшей степени почитать её. Верно, ты должен это делать. Настоящая женщина! И дети, если вы имеете настоящую мать, которая находится дома и старается заботиться о вас, следить, чтобы у вас была чистая одежда, отправляет вас в школу, учит вас об Иисусе, вы должны почитать такую милую маму всеми своими чувствами. Ты должен уважать такую женщину, да сэр, потому что она настоящая мать.

Они говорят о невежестве в горах Кентукки. Вы видите его в этой собачьей дряни. Некоторые из тех старых матерей могли бы прийти сюда на Голливуд и преподать урок современным матерям, как воспитывать своих детей. Вы разрешаете вашему ребёнку выходить вечером с взлохмаченными волосами и губами... в нижней юбке, (как вы это называете?) на их лицах всякая краска, платье у неё всё стянуто сбоку, и всю ночь её нет, пьяная, брат, схватила бы она хорошим ореховым прутиком и больше никогда не выходила бы. Я говорю тебе, она бы... И если бы побольше да почаще, у вас тут Голливуд был бы чуть получше и народ был бы получше. Это верно. Это правда. “Старайся быть современной” — вот он — один из трюков дьявола.

Да, вот эта девочка, когда я посмотрел на неё, моё сердце облилось кровью. И я подумал: “Бедняжка”.

А она сказала: “О, Билли, хочешь сигарету?”

Я сказал: “Нет, мадам”. Я сказал: “Я не курю”.

Она сказала: “Ну вот, ты сказал, что ты не танцуешь”. Они хотели отправиться на танцы, а я не пошёл. Они сказали, что там были танцы, они называли это Сады Сикаморов.

И я сказал: “Нет, я не танцую”.

Она сказала: “Ну вот, ты не танцуешь, ты не куришь, ты не пьёшь. Как же ты развлекаешься?”

Я сказал: “Ну, мне нравится рыбачить и охотиться”. Ей это было не интересно.

Итак она сказала: “Возьми сигарету”.

Я сказал: “Нет, мадам, спасибо. Я не курю”.

Я стоял на крыле. На старых “фордах” был такой борт, вы помните, и я стоял на том крыле, сидя на заднем сиденье, вместе с ней. И она сказала: “Ты что, не хочешь выкурить сигаретку?” Сказала: “И у нас, у девчонок, больше мужества, чем у вас”.

Я сказал: “Нет, мадам, я не хочу этого делать”.

Она сказала: “Ну, ты просто большой неженка!” Ах, вот как! Я хотел быть крутым Биллом, никаких там телячьих нежностей. Понимаешь, я хотел быть первым бойцом, такое у меня было понятие жизни. Так что я сказал. . .” Неженка! Неженка!”

Я этого не выдержал, я сказал: “Дай сюда!” Протянул руку, сказал: “Я покажу ей, неженка я или нет”. Вытащил сигарету и собирался зажечь спичку. Да, я знаю, что вы. . . Так вот, я не отвечаю за то, что вы подумаете, я отвечаю за то, чтобы говорить правду. Когда я попытался зажечь ту сигарету, намереваясь закурить так же определённо, как я беру эту Библию, я услышал, как что-то: “Хш-ш-ш-ш!” Я опять попытался, я не мог взять её в рот. И я зарыдал, и я выбросил это. Они начали смеяться надо мной. И я пошёл домой через поля, сел там и плакал. Это была ужасная жизнь.

Я помню, однажды папа поплыл вниз по реке с мальчиками. Мы с братом брали лодку и плавали вверх и вниз по реке, добывая бутылки, чтобы в них заливать виски. Мы собирали их там на реке, за дюжину получали пять центов. Папа был со мной, и у него была такая плоская. . . эти бутылочки были, кажется, по полпинты [около одного стакана—Пер.]. И там было сваленное дерево, и папа. . . И с ним был этот человек, мистер Дорнбуш. У меня была его. . . У него была хорошая лодка, и я хотел снискать его благосклонность, потому что хотел пользоваться его лодкой. У неё был хороший руль, а у моей вообще не было руля. Мы просто гребли старыми досками. И если бы он дал мне попользоваться той лодкой. . . Вот, он занимался сваркой, и он сделал для папы перегонный куб. Итак он. . . Они перекинули ноги через это дерево, и папа залез в задний карман и вытащил оттуда плоскую

бутылочку виски, протянул тому, тот глотнул, вернул обратно папе, он тоже глотнул, и поставил её между стволом дерева и побегом. И мистер Дорнбуш взял её и сказал: “Давай, Билли, глотни”.

Я сказал: “Спасибо, я не пью”.

Он сказал: “Бранхам, и не пьёшь?” Чуть ли не каждый умирал не своей смертью. И он сказал: “Бранхам и не пьёшь?”

Я сказал: “Нет, сэр”.

“Нет, — сказал папа, — я вырастил неженку”.

Мой папа назвал меня неженкой! Я сказал: “Дай-ка мне бутылку!” Я решительно вытащил пробку и собрался выпить, и когда я подносил её, — вдруг: “Хш-ш-ш-ш!” Я вручил бутылку обратно и рванул через поле, что было сил, я плакал. Что-то не давало мне это сделать. Видите? Я бы не сказал, что я был хорош (ведь я собирался сделать это), но это Бог, милость, восхитительная благодать удерживала меня от таких вещей. Сам-то я хотел делать это, но Он просто не позволял мне.

Позже я встретил девушку, когда мне было около двадцати двух лет, она была очень мила. Она ходила в немецкую лютеранскую церковь. Её звали Брумбах, Б-р-у-м-б-а-х, это происходит от фамилии Брумбаху. Она была замечательной девушкой. Она не пила и не курила, она не танцевала и ничего такого, замечательная девушка. Я походил с ней немного, и я... мне тогда было двадцать два, я зарабатывал достаточно, чтобы купить, наконец, старенького “форда”, и я... мы вместе выезжали на прогулки. И в то время там вблизи не было лютеранской церкви, они переехали туда из Говард Парк.

И они были... один служитель, тот, который назначил меня в миссионерскую баптистскую церковь, Доктор Рой Дэвис. Сестра Упшоу, тот самый, который направил ко мне Брата Упшоу, то есть рассказал ему обо мне, Доктор Рой Дэвис. И так он проповедовал и имел Первую Баптистскую церковь, или... я думаю, что это была не Первая Баптистская церковь, а скорее это была Миссион-... называлась Миссионерская Баптистская церковь в Джефферсонвилле. И в то время он проповедовал в том месте, и мы по вечерам ходили в церковь, и возвращались. И я не присоединялся к церкви, но мне просто нравилось ходить с ней. Потому что первая мысль была “идти с ней”, я должен честно признаться.

И так я ходил с ней, и однажды я... Она была из хорошей семьи. И я начал думать: “Ты понимаешь, я не должен отнимать время у этой девушки. Это—это неправильно, потому что она замечательная девушка, а я бедный и—и я...” Мой отец подорвал своё здоровье, и я—я... Я никоим образом не смог бы обеспечить совместную жизнь с такой девушкой, которая привыкла к красивому дому и коврикам на полу.

Вспоминаю, как я впервые увидел коврик, я не знал, что это такое. Я обошёл его сбоку. Я подумал, что я впервые в жизни вижу такую красивую вещь. “Как же они такую вещь положили на пол?” Это я первый раз увидел коврик. Это был—это был такой. . . кажется, их называли “половиками”. Может, я неправильно назвал. Что-то вроде “плетёнки” или что-то сплетёное вместе, лежал там на полу. Красивый, зелёное с красным, и посередине сделаны такие большие розы, вы знаете. Это была красивая вещь.

И помню, как я—я нацелился, что я или попрошу её выйти за меня замуж, или я должен убраться, и пусть на ней женится какой-нибудь хороший человек, кто ей подошёл бы, мог бы заработать ей на жизнь и был бы к ней добр. Я мог быть к ней добрым, но я—я—я зарабатывал только двадцать центов в час. Так что я не мог её как следует обеспечить. И я. . . Нам приходилось заботиться всей семьёй, а отец подорвал здоровье, и я должен был обо всех заботиться, так что для меня это было тяжкое время.

Итак я подумал: “Что ж, единственное, что мне остаётся сделать, это сказать ей, что я—я —(она)—я—я больше не приду, потому что я слишком много думал о ней, чтобы не испортить ей жизнь, чтобы она не обманулась со мной”. И потом я подумал: “Если кто-нибудь захочет жениться на ней и заботиться о ней, создать семейный очаг. И если я не могу быть с ней, я буду знать, что она счастлива”.

Я подумал и так: “Но я—я просто—я просто не могу её оставить!” И я—я был в ужасном положении. И день за днём я думал об этом. Итак я был слишком застенчивым, чтобы попросить её выйти за меня замуж. Каждый вечер я настраивался: “Я спрошу её”. И когда я, ох, что это, как будто в тебе нервная дрожь. . . ? Наверно у всех братьев были подобные переживания. Действительно интересное ощущение, моё лицо пылало. Я просто не знал. Я не мог её спросить.

Я думаю, вы удивляетесь: как это я всё-таки женился. Вы знаете что? Я написал ей письмо и спросил её. И вот так её. . . Вот, это не было “дорогая барышня”, это было немного побольше чувств (вы понимаете). Это не был просто какой-то договор, это было. . . Я—я написал как только смог.

Но я немного побаивался её матери. Её мать была. . . она была резкая. И, но её отец был вежливый датчанин, замечательный старина. Он был организатором товарищества на железной дороге, железнодорожником, получал в те времена долларов пятьсот в месяц. А я зарабатывал двадцать центов в час, и собирался жениться на его дочери. Ух! Я знал, что это не сработает. И её мать была очень. . . Ну, она замечательная женщина. И она—она была типа одной из этих высших слоёв общества, вы знаете, и такая жеманная, знаете, так что во всяком случае с меня ей было мало пользы. Я был простой, откровенный деревенский парень, а

она думала, что для Хоуп подошёл бы парень классом повыше, и я—я—я думаю, что она была права. И так... Но тогда я так не думал.

Итак я подумал: “Ну что ж, я не знаю, как это сделать. Я не могу спросить её отца, и я, конечно же, не собираюсь спрашивать её мать. Так что я сначала спрошу её”. Итак я написал письмо. И утром по дороге на работу я опустил его в почтовый ящик. Почта... Это было в понедельник утром, а в среду вечером мы собирались пойти в церковь. И весь день в воскресенье я пытался заговорить с ней о том, что хочу жениться, но у меня просто не хватало храбрости.

И тогда я опустил его в почтовый ящик. И в тот день на работе я вдруг подумал: “А что если это письмо обнаружит её мать?” Ой-ой-ой! Если она его перехватит — со мной всё пропало, потому что обо мне она особенно не беспокоилась. Я просто гнал эти мысли.

И когда я пришёл в среду вечером, ох, я подумал: “Как же я пойду туда? Если её мать перехватила то письмо, уж она-то мне задаст, нет, надеюсь, что она получила”.

Я адресовал его “Хоуп”. Это было её имя — Хоуп [Надежда—Пер.] Итак, я сказал: “Я напишу его прямо Хоуп”. И так... И я думал: “А может быть она его не получила”.

Так что я кое-что знал, не только что остановиться там и сигналить, чтобы она вышла. О нет! Если у парня не хватает храбрости зайти в дом и постучать в дверь и попросить, чтобы позвали девушку, нечего ему и гулять с ней. Это точно. Это так глупо. Это дешево. Итак я остановил свой старенький “форд”, понимаете, я его вычистил до блеска. И я пошёл и постучал в дверь. Смилуйтесь, дверь открыла её мама! У меня перехватило дыхание, я сказал: “Здра-здра-здравствуйте, миссис Брумбах”. Н-да.

Она сказала: “Здравствуй, Уилльям”.

Я подумал: “Ого, ‘Уилльям!’”

И она сказала: “Ты зайдёшь?”

Я сказал: “Благодарю вас”. Я шагнул в дверь. Я сказал: “Хоуп уже готова?”

Как раз тут и Хоуп, скачет через весь дом, ну просто девочка лет шестнадцати. Она сказала: “Привет, Билли!”

Я сказал: “Привет, Хоуп”. Я спросил: “Ты готова идти в церковь?”

Она сказала: “Одну минуту”.

Я подумал: “Вот дела! Она не получила его. Она не получила его. Хорошо, хорошо, хорошо. И Хоуп тоже его не получила, так что всё в порядке, потому что она упомянула бы мне о нём”. Я почувствовал себя лучше.

И потом, когда мы пришли в церковь, я подумал: “А что если она его получила?” А? И я не слышал, что там говорил д-р Дэвис. Взгляну на неё и подумаю: “А что если она просто умалчивает, чтобы я отстал от неё со своими предложениями”. И я не слышал, что там говорил Брат Дэвис. И—и я взглянул на неё, я подумал: “О, мне не хочется её бросать, но... И я—я...но, конечно, наступит развязка”.

Итак после церкви мы вместе пошли по улице, мы шли к этому старенькому “форду”. Всю дорогу ярко светила луна, вы знаете, я взглянул на неё, она была такая милая. Ребята, я взглянул на неё и подумал: “Эх, как я хотел бы быть с ней, но кажется, что не смогу”. Мы проехали ещё немножко, знаете, и я опять взглянул на неё. Я сказал: “Как—как ты себя чувствуешь сегодня?”

Она сказала: “Очень хорошо”.

Я остановил своего “форда”, мы вышли, и направились вокруг к её дому. И я шёл с ней до самой двери. Я подумал: “Знаешь, наверно она не получила это письмо, так что забудь об этом. Во всяком случае у меня будет ещё одна благодатная неделя”. Так что я себя замечательно почувствовал.

Она сказала: “Билли”.

Я сказал: “Да”.

Она сказала: “Я получила твоё письмо”. Ой-ой!

Я спросил: “Получила?”

Она сказала: “Ага”. Хм, она шла как ни в чём не бывало, не добавив ни словечка.

Я подумал: “О женщина, ну скажи мне что-нибудь. Или отправь меня восвояси или скажи, что ты думаешь об этом”. И я спросил: “Ты его прочитала?”

Она сказала: “Ага”.

Н-да, вы знаете, как женщина может держать тебя в неведении. О, я не имею в виду только в этом смысле. Понимаете? Но, во всяком случае, вы знаете, я подумал: “Что же ты ничего не говоришь?” И я продолжал идти. Я спросил: “Ты всё прочитала?”

И она. . . [Пробел на ленте—Ред.] “Ага”.

Мы были почти уже у двери, и я подумал: “Ну давай же, не тяни до двери, а то они ещё опередят, ну говори же”. Я ждал.

И она сказала: “Билли, я с радостью хочу сказать”. Она сказала: “Я тебя люблю”. Да благословит Бог душу её, она теперь во Славе. Она сказала: “Я тебя люблю”. Сказала: “Я думаю, что мы должны сказать об этом нашим родителям. Как ты думаешь?”

Я сказал: “Дорогая, послушай, давай начнём с того, что делаем это напополам”. Я сказал: “Я расскажу твоему папе, если ты расскажешь своей маме”. Ободряя её исполнить более тяжкую часть, для начала.

Она сказала: “Хорошо, если ты сначала скажешь моему папе”.

Я сказал: “Хорошо, я расскажу ему в воскресенье вечером”.

И вот наступил воскресный вечер, я привёз её из церкви домой и я... Она смотрела на меня. И я взглянул, было девять тридцать, это было время, когда я обычно уходил. Итак, Чарли сидел за своим столом и печатал. А миссис Брумбах сидела в углу и что-то вышивала тёмбуром, вы знаете, или на таких маленьких обручах, понимаете. Я не знаю, как это у вас называется. И вот она там что-то такое делала. Хоуп продолжала смотреть на меня, показывая своим взглядом, понимаете, побуждая, чтобы я шёл к отцу. И я... Ой-ой-ой! Я подумал: “Что если он скажет ‘Нет’?” Итак я начал потихоньку поближе к двери, я сказал: “Ну что, я, наверно, пойду”.

И я зашагал к двери, и она со мной направилась к двери. Она всегда шла до двери и говорила мне “спокойной ночи”. Итак я направился к двери, и она сказала: “Ты не собираешься ему говорить?”

И я сказал: “Хм!” Я сказал: “Я, конечно, попытаюсь, но я—я—я не знаю, как это сделать”.

И она сказала: “Я вернусь обратно, а ты его позови на улицу”. Итак она вернулась обратно и оставила меня там.

И я сказал: “Чарли”.

Он повернулся и сказал: “Да, Билл?”

Я сказал: “Я могу с вами одну минуту поговорить?”

Он сказал: “Конечно”. Он повернулся за своим столом. Миссис Брумбах взглянула на него, посмотрела на Хоуп и взглянула на меня.

Я сказал: “Может, мы выйдем на крыльцо?”

Он сказал: “Давай выйдем”. Итак он вышел на крыльцо.

Я сказал: “Хороший вечер, не так ли?”

Он сказал: “Это точно”.

Я сказал: “Довольно тепло”.

“Да, конечно”, — он взглянул на меня.

Я сказал: “Тяжко потрудились, — сказал я, — вы знаете, даже мозоли на руках натёр”.

Он сказал: “Ты можешь забирать её, Билл”. Ух ты! “Ты можешь забирать её”.

Я подумал: “О, это уже получше”. Я сказал: “Вы серьёзно, Чарли?” Он сказал... Я сказал: “Послушайте, Чарли, я понимаю, что она ваша дочь, и вы хорошо зарабатываете”.

Он взял меня за руку. Он сказал: “Послушай Билл, деньги — это ещё не всё в жизни человека”. Он сказал... .

Я сказал: “Чарли, я—я зарабатываю только двадцать центов в час, но я люблю её, и она любит меня. И я обещаю вам, Чарли, я буду работать, пока эти...натирая мозоли на руках, чтобы обеспечить ей жизнь. Я буду предан ей, насколько смогу”.

Он сказал: “Я тебе верю, Билл”. Он сказал: “Послушай, Билл, я хочу тебе сказать”. Сказал: “Ты знаешь, делать деньги — это не означает быть счастливым”. Сказал: “Просто будь добрым к ней. Я знаю, что ты будешь”.

Я сказал: “Благодарю вас, Чарли. Конечно, я буду”.

Затем была её очередь рассказать маме. Я не знаю, как ей это удалось, но мы поженились.

Итак, когда мы поженились, у нас ничего не было, ничего для домашнего хозяйства. Я думаю, что у нас было два или три доллара. Итак мы сняли дом, это нам стоило четыре доллара в месяц. Это были две старенькие комнатухи. И кто-то дал нам старую раскладушку. Интересно, кто-нибудь видел старую раскладушку? Это они нам дали. И я пошёл к Снерсам и Робуксам и взял маленький стол с четырьмя стульями, и он не был покрашен, знаете, и мы взяли это на время. И потом я пошёл к мистеру Виберу, торговцу старьём, и купил кухонную плиту. Я за неё заплатил семьдесят пять центов, и доллар с чем-то за колосники к ней. Мы завели домашнее хозяйство. Я помню, как я нарисовал трилистник на стульях, когда я красил их. Однако мы были счастливы. Мы были вместе, это было всё что нужно. И Бог, с Его милостью и Его благостью, мы были наисчастливейшей парой на земле.

Я обнаружил, что счастье зависит не от того, сколько у тебя мирских вещей, но насколько ты доволен отпущенной тебе частью.

И, через некоторое время, сошёл Бог и благословил наш дом, у нас появился мальчик. Его назвали Билли Пол, он сейчас здесь в собрании. И позже, спустя месяцев одиннадцать, Он опять благословил нас маленькой девочкой, которую назвали Шарон Роуз, это взяли от слов “Роза Шаронская”.

Помню, как однажды я сэкономил денег и собирался отправиться в небольшой отпуск, направиться на озеро “По-По”, порыбачить. И на обратном пути. . .

И в те времена. . .Я пропускаю рассказ о моём обращении. Я обратился. И я был назначен Доктором Роем Дэвисом в Миссионерскую Баптистскую церковь, и стал служителем и имел скинию, в Джефферсонвилле, в которой я сейчас проповедую. Я служил пастором в маленькой церкви. И я. . .

Никаких денег, я был пастором церкви семнадцать лет и никогда не взял ни цента. Я не верил в сбо-. . . Там не было даже тарелки для пожертвований. И десятины от своей работы, и так далее, был ящик в конце помещения, надпись на нём гласила: “То, что вы сделали для одного из малых Моих, вы сделали для

Меня”. Вот как оплачивали за церковь. У нас был десятилетний заем оплаты за неё, а выплатили меньше чем за два года. Я никогда не собирал никакого рода пожертвований.

У меня было несколько долларов, что я сэкономил на отпуск. Она тоже работала на рубашечной фабрике. Дорогая, милая девочка. Сегодня могила её наверное заснежена, но она в сердце моём. И я вспоминаю, как тяжело она работала, помогала мне, чтобы хватило денег и на то, чтобы поехать на это озеро порыбачить.

И когда я возвращался с озера, я начал замечать, проезжая через Мишаваку и Южный Бенд, Индиана, я начал замечать машины, на которых был знак “Только Иисус”. И я подумал: “Странно звучит ‘Только Иисус’.” Я начал обращать внимание на такие знаки. И это было повсюду: на велосипедах, “Фордах”, “Кадиллаках” и так далее — “Только Иисус”. И я проследовал за ними, и они подъехали к большой церкви. И я выяснил, что они пятидесятники.

Я слышал о пятидесятниках, что они “толпа святых скакунов, что валяются на полу с пеной у рта”, и всё такое, что мне рассказывали об этом. Так что я с этим не хотел иметь ничего общего.

Итак я услышал, как они там себя вели, и я подумал: “Пожалуй, я только зайду”. Я остановил свой старенький “Форд” и вошёл, и такое пение, какого ты никогда в жизни не слышал! И я узнал, что там были две большие церкви, одна из них называлась “П. А. И. Х.” и “П. А. В.”, многие из вас, может, помнят те старые органи-. . . Я думаю, что они объединились и теперь называются церковь Объединённых Пятидесятников. Что ж, я прослушал некоторых из их учителей. Они стояли там, они учили о Иисусе, о том, как Он велик и как это всё величественно, и о “крещении Святым Духом”. Я подумал: “О чём это они говорят?”

И, немного спустя, кто-то вскочил и начал говорить на языках. Вот, я в своей жизни никогда такого не слышал. И вот какая-то женщина побежала вперёд изо всех сил. Потом все они вскочили и начали бегать. И я подумал: “Ну что ж, брат мой, это точно, у них не соблюдают церковные манеры”! Кричат и восклицают и так ведут себя, и я подумал: “Что это за толпа”! Но, вы знаете, тут ещё одна штука, чем дольше я там сидел, тем больше мне это нравилось. Что-то было такое действительно хорошее. И я начал наблюдать за ними. И это продолжалось. Я подумал: “Я их потерплю ещё немного, потому что я. . . я недалеко от двери. Если начнётся что-нибудь такое, я выскочу за дверь. Я помню, где стоит моя машина, прямо за углом”.

И я услышал, что некоторые из их проповедников были учёными и студентами. Ещё бы, я подумал: “Это замечательно”.

И вот пришло время ужина, и сказали: “Все отправляемся на ужин”.

Но я подумал: “Минуточку. У меня есть доллар и семьдесят пять центов, чтобы доехать до дома, и я. . .” Это были все мои деньги на бензин. Держал это, чтобы добраться до дома. А у меня был старенький “Форд”, довольно хороший старый “Форд”. Не какой-то пропаший, но был точно, как один из этих, но только изношенный. И он. . . Я вообще-то верил, что “Форд” мог ехать тридцать миль в час, то есть пятнадцать *вот так* и пятнадцать *вот так*. Видите, сложить вместе и получится тридцать. И так он. . . Я подумал: “Ладно, в этот вечер я думаю отъеду и после. . .” Я остался на вечернее служение.

И, о-о, он сказал: “Все проповедники из любых вероучений подойдите к платформе”. Что ж, там было нас человек двести, я подошёл. И он сказал: “Так вот, у нас нет времени дать вам всем проповедовать”. Он сказал: “Просто проходите здесь и скажите, кто вы и откуда”.

Ну, подошла моя очередь, и я сказал: “Уилльям Бранхам, баптист. Джефферсонвилль, Индиана”. И прошёл.

Я слышал, как все остальные называли себя: “Пятидесятник, пятидесятник, пятидесятник, П. А. В., П. А. И. Х., П. А. В., П. . .” Я прошёл. Я подумал: “Что ж, кажется, я здесь — гадкий утёнок”. Ну, я сел и ждал.

И в тот день у них были там замечательные молодые проповедники, и они сильно проповедовали. И потом они сказали: “Сегодня вечером будет проповедовать. . .” Мне кажется, они назвали его “пресвитер”. Их служителей вместо “почтенный”, называли “пресвитер”. Они вывели туда этого старого негра, и он был в одном из этих старомодных костюмов проповедников. Я не думаю, что вы когда-нибудь видели это. Со спины длиннополый, как у голубя, знаете, с вельветовым воротничком, и у него вокруг головы был только небольшой белый ободок волос. Бедный старина, вы знаете, он вышел *вот так*. Он встал там и повернулся вокруг. В то время, как все проповедники проповедовали об Иисусе и о великом. . . как Он был велик, и так далее, тот старик взял свой текст из Книги Иова. “Где был ты, когда Я полагал основания земли, или когда ликовали утренние звёзды, и сыны Божьи восклицали от радости?”

Бедный старина, я подумал: “Почему они не поставили проповедовать кого-нибудь из этих молодых ребят?” Огромное. . . место было набито битком. И я подумал: “Почему они не сделали так?”

Итак, этот старина, вместо того, чтобы проповедовать о том, что происходило здесь на земле, он начал проповедовать, что происходило всё время в небесах. Что ж, он показал Его у начала начал времени, и перенёс Его обратно во Второе Пришествие в горизонталь по радуге. Ого, такой проповеди я никогда в своей жизни не слышал! И где-то в это время Дух нашёл на него, он подпрыгнул *вот на такую* высоту, шёлкнул каблуками, расправил

свои плечи и давай вышагивать по платформе, сказал: “У вас здесь не хватает места, чтобы мне проповедовать”. А там у него было больше места, чем здесь у меня.

Я подумал: “Если Это старика заставляет так себя вести, что же будет, если Это найдёт на меня?” Я подумал: “Может быть я нуждаюсь в Этом”. Ещё бы, когда он выходил, у меня была жалость к этому старику. Но когда он ушёл, у меня была жалость к себе. Я смотрел на него, как он уходил оттуда.

Я вышел в тот вечер и подумал: “Завтра утром я не собираюсь никому говорить, откуда я и кто я”. Итак я ушёл, и в тот вечер я разгладил свои брюки. Я взял. . . поехал на ночлег в кукурузное поле, заехал купить чёрствых булочек. Вы. . . я купил их несколько за пятак. Там был водозаборный кран, я достал воды. Я знал, что продержусь ещё немного, так что я достал воды и выпил её, и пошёл съел свои булочки. И вернулся назад и ещё попил воды. Поехал в кукурузное поле, взял два сиденья и заложил между ними свои полосатые штаны.

В ту ночь я молился почти что всю ночь. Я говорил: “Господь, куда это я попал? Я никогда в жизни не видел таких религиозных людей”. И я сказал: “Помоги мне понять, что же это такое”.

И на следующее утро я был там. Нас пригласили на завтрак. Конечно, я не пошёл есть с ними, потому что у меня нечего было положить в пожертвования. И я просто пошёл назад. И на следующее утро, когда я вошёл, ещё бы (я съел несколько своих булочек), сел и сидел. И у них был микрофон. А я никогда раньше не видел микрофона, и я пугался этой штуки. Так что они. . . И он вот так свисал, подвешенный на верёвочке. Такой подвесной микрофон. И сказали: “Вчера вечером здесь на платформе был молодой проповедник, баптист”.

Я подумал: “Ого-го, сейчас меня проработают”.

Сказали: “Он оказался самым молодым проповедником. Его зовут Бранхам. Кто-нибудь знает что-нибудь о нём? Скажите ему, чтобы пришёл, мы хотим, чтобы он сегодня утром выдал послание”.

Ой-ой-ой! На мне была футболочка и полосатые брюки, вы знаете. А мы, баптисты, считаем, что когда ты выходишь за кафедру, на тебе должен быть костюм, понимаете. Так что. . . я—я просто тихонько сидел. И во время. . . Они проводили это на севере (свою международную конвенцию), потому что, если бы она была на юге, то негры не смогли бы присутствовать. У них там были негры, а я был южанин, я тогда был ещё такой церемонный, знаете, думал, что я немного получше, чем кто-то другой. И в то утро так получилось, что рядом со мной сидел цветной. Итак я сел и взглянул на него. Я подумал: “Ну что ж, он — брат”.

И спросили: “Кто-нибудь знает, где Уильям Бранхам?” Я *вот так* вжался в стул. И тогда объявили во второй раз, сказали:

“Кто-нибудь там снаружи, — (он вот так вытащил микрофон) — знает что-нибудь о Уилльяме Бранхаме? Скажите ему, что мы желаем, чтобы он вышел на платформу и проповедовал сегодня утром. Он баптистский проповедник из Южной Индианы”.

Я тихонько сидел там, наклонившись. Во всяком случае, никто меня не знал. Тот цветной посмотрел на меня, спросил: “Ты не знаешь, где он?”

Я задумался. Или мне пришлось бы солгать, или сделать что-нибудь. Итак я сказал: “Послушай”.

Он сказал: “Да, сэр?”

Я сказал: “Я хочу тебе кое-что сказать”. Я сказал: “Это я”.

Он сказал: “Ну так иди туда”.

Я сказал: “Нет, я не могу. Видишь ли, — сказал я, — я в этих старых полосатых брюках и в футболочке”. Я сказал: “Я не могу туда подняться”.

Он сказал: “Этим людям неважно, как ты одет. Давай иди туда”.

Я сказал: “Нет-нет”. Я сказал: “Только молчи и ничего не говори”.

Через минуту они опять вернулись к микрофону, сказали: “Кто-нибудь знает, где Уилльям Бранхам?”

Он сказал: “Он здесь! Он здесь! Он здесь!” О ужас! И вот я поднимаюсь в своей футболке, понимаете. И вот я. . .

Он сказал: “Подойдите, поднимайтесь, мистер Бранхам, мы хотим, чтобы вы дали послание”. Ой-ой, перед всеми этими проповедниками, ух, перед всем народом! И я шёл спотыкаясь, вы знаете. Лицо красное, уши горят. Я споткнулся, в полосатых штанах и футболке, проповедник, баптистский проповедник идёт к микрофону, такого ещё не видели ни одного.

И я встал там, я сказал: “Что ж, я—я—я не знаю насчёт этого”. Я что-то там бормотал, нервничал, понимаете. И я взял отсюда где-то из Луки 16, я подумал: “Ну что ж, тогда. . .” И я взял тему “*И он поднял свои глаза в аду и возопил*”. У меня была. . .Итак, вы знаете, я начал проповедь, и проповедуя я почувствовал себя лучше. И я сказал: “Богатый человек поднял свой взор в аду, и возопил”. Эти несколько слов, как у меня в таких проповедях: “Ты веришь Этому”, и “Говори скале”, вы слышали, как я их проповедовал. И у меня было: “И тогда он возопил”. И я сказал: “Там не было детей, конечно, их нет в аду. Тогда он возопил”. Я продолжал: “Там не было цветов. Тогда он возопил. Там не было Бога. Тогда он возопил. Там нет Христа. Тогда он возопил”. Потом я возопил. Что-то нашло на меня. О! Потом я не знаю, что происходило. Я пришёл в себя, когда я уже находился на улице. Те люди вопияли и кричали, и плакали, и я тоже, это было время благоговения.

Когда я вышел на улицу, ко мне подошёл мужчина в огромной техасской шляпе, большие сапоги, подошёл и сказал: “Я — старейшина *Такой-то*”. Проповедник, в кавбойских сапогах и в кавбойской одежде.

Я подумал: “Тогда мои полосатые брюки не так уж плохи”.

Сказал: “Я хочу, чтобы ты приехал ко мне в Техас для служений пробуждения”.

“Ага, давайте я запишу, мистер”. И я всё это записал.

Вот подходит приятель в таких брючках, в которых, вы знаете, играли в гольф, такие свободные штаны. Он сказал: “Я старейшина *Такой-то* из Майами. Ты мне понравился. Я хотел бы. . .”

Я подумал: “О, может быть одежда и не значит так много”. Я посмотрел на это, и я подумал: “Нормально”.

Итак я всё это ухватил, и отправился домой. Меня встретила жена, она сказала: “Что это ты сияешь от счастья, Билли?”

Я сказал: “О, я встретил цвет общества. Да, это лучшее, что я когда-либо видел. Эти люди не стыдятся своей религии”. И я ей всё об этом рассказал. И я сказал: “Взгляни-ка, дорогая, целый список приглашений. Вот это люди!”

Она сказала: “А это не “святые скакуны”, нет?”

Я сказал: “Я не знаю, что там за “святые скакуны”, но у них есть нечто, в чём я нуждаюсь”. Видите? Я сказал: “Уж в этом-то я уверен”. Я сказал: “Я видел, как девяностолетний старик опять помолодел”. Я сказал: “Таких проповедей я не слышал никогда в жизни. Ещё бы, я никогда не видел, чтобы баптисты так проповедовали”. Я сказал: “Они проповедуют пока не перехватывает дыхание, падают на колени, опять вскакивают, обретая своё дыхание. Ты за два квартала слышишь, как они проповедуют”. И я сказал: “Такого я никогда в жизни не слышал”. Я сказал: “Они говорят на ином языке, а другой рассказывает, о чём говорили. Никогда в жизни такого не слышал!” Я спросил: “Ты поедешь со мной?”

Она сказала: “Милый мой, когда я вышла за тебя, я прилепилась к тебе до тех пор, пока смерть не разлучит нас”. Она сказала: “Я поеду”. Она сказала: “Теперь мы расскажем родным”.

Я сказал: “Ладно, ты скажи своей маме, а я скажу своей маме”. Итак мы. . . Я пошёл и рассказал маме.

Мама сказала: “Что ж, конечно, Билли. Что бы Господь ни позвал тебя делать — иди исполняй это”.

И миссис Брумбах попросила меня прийти. Пришёл. Она спросила: “О чём это ты рассказываешь?”

Я сказал: “О, миссис Брумбах, — сказал я, — вы никогда не видели таких людей”.

Она сказала: “Потише! Успокойся!”

Я сказал: “Да, мадам”. Я сказал: “Простите”.

И она сказала: “Ты знаешь, что это “святые скакуны”?”

Я сказал: “Нет, мадам, я этого не знаю”. Я сказал: “Что вы, они—они просто замечательные люди”.

Она сказала: “Что за затея! Ты думаешь, что ты потащишь туда мою дочь!” Сказала: “Какая нелепость! Это ничто иное, как отбросы, которых выбросили из других церквей”. Она сказала: “Как бы не так! Ты никуда не увезёшь мою дочь”.

И я сказал: “Но, вы знаете, миссис Брумбах, в глубине своего сердца я чувствую, что Господь хочет, чтобы я шёл с теми людьми”.

Она сказала: “Иди назад в свою церковь и будь там, пока они не смогут предоставить тебе пасторский домик, и поступай, как здравомыслящий человек”. Сказала: “Ты не потащишь туда мою дочь”.

Я сказал: “Да, мадам”. Я повернулся и вышел.

Хоуп заплакала. Мы вышли и она сказала: “Билли, несмотря на то, что говорит мама, я буду с тобой”. Благословенно её сердце!

И я сказал: “Хорошо, хорошо, дорогая”.

И всё как шло, так и пошло. Она не разрешила своей дочери пойти с такими людьми, потому что “это ничто иное как чепуха”. Я просто подумал: ну пусть идёт, как идёт. Это была в моей жизни самая, одна из самых больших ошибок.

Немного позже, спустя несколько лет, появились дети. И однажды мы были. . . В 1937 году произошло наводнение. Пришёл потоп. И наша. . . В то время я находился в дозоре и делал всё, что мог, вызволяя людей из того потопа, дома сносило. Моя жена заболела, она очень сильно заболела воспалением лёгких. И они взяли её. . . Мы не могли поместить её в обычный госпиталь, он был набит битком, тогда мы отвезли её в правительственный, там у них было место. И тогда они опять меня вызвали. А я всегда жил на реке, был хорошим лодочником, так что я пытался находить людей и спасать их из потопа. И тогда я. . . один. . .

Они позвали меня, сказали: “Там на Каштановой улице один дом, он вот-вот развалится. Там мать со своими детьми, — сказали, — если ты думаешь, что твоя лодка, твой мотор дотянет до них”. Я сказал: “Ладно, я сделаю всё, что смогу”.

И я мчался через те волны. Там прорвало плотину, и о-о . . . город просто смывало. Я жал изо всех сил, и, наконец, пересёк узкие улочки в той местности. И я оказался близко к тому месту, где была старая дамба, вода прорывалась через неё. И я услышал, как кто-то кричит, я увидел стоящую на веранде мать. Проносились огромные волны. Вот, я *вот так* обошёл вокруг, как

только смог, пересёк поток и вернулся с другой стороны. И тут же остановил лодку, успев привязать её за столб, за дверной столб, то есть который на веранде. Я вбежал, схватил мать, вытащил её и двух или трёх детей. Развязал лодку и доставил её. . . обратно. Вышел оттуда ниже по течению, и доставил её на берег, пройдя через город мили полторы, пока доставил её на берег. И когда я оказался там, она упала в обморок. Она начала. . . она кричала: “Мой малыш! Мой малыш!”

Так вот, я подумал, что там у неё в доме остался младенец. Ой-ой-ой! Они стали приводить её в чувство, а я направился назад. И выяснилось, что это был. . . или она хотела знать, где был её ребёнок. Тому мальчику было около трёх лет, а я подумал, что она говорила о каком-то младенце.

И так я направился обратно и добрался туда. Закрепил лодку, ворвался внутрь, но не находил никакого младенца, а крыльцо сдвинулось и дом рушился. Я быстро побежал и ухватился за обломок, что там потащил мою лодку, залез в лодку, вытащил это и освободил.

И тогда меня снесло в течение основной реки. Было около половины двенадцатого ночи, и дождь, и снег. И я схватил за шнур стартёра и пытался завести лодку, но не заводилось, я пытался опять и опять, но не заводилось. Уносило ещё дальше в это течение, и уже близко был водопад. И я пытался изо всех сил, и я подумал: “Ого, вот—вот мне и конец! Вот он!” И я пытался как мог. И я сказал: “Господь, пожалуйста, не дай мне умереть такой смертью”, и я дёргал и дёргал.

И мне в голову пришло: “Как насчёт тех отбросов, к которым ты не поехал?” Видите? Ага.

Я облокотился на лодку и сказал: “Боже, смилуйся надо мной. Не дай мне оставить жену свою с младенцем, ведь они там большие! Пожалуйста!” Я продолжал дёргать и дёргать, но не заводилось. Я уже мог слышать, как там внизу шумит, потому что я. . . Ещё несколько минут и о, это будет всё. И я сказал: “Господь, если Ты простишь меня, я обещаю Тебе, что я всё исполню”. Стоял на коленях в той лодке и мокрый снег бил мне в лицо, я сказал: “Я сделаю всё, что Ты захочешь от меня”. И я опять потянул за шнур, и мотор завёлся. Я дал полный газ и наконец достиг берега.

И я вернулся, чтобы искать грузовик, патрульный грузовик. И я думал. . . Кто-то сказал: “Слушай, правительственный просто смыло”. А там моя жена с ребёнком, с двумя детьми”.

Что было сил я направился к правительственному, а воды там было метров пять глубиной. И там был майор, и я спросил: “Майор, что случилось с госпиталем?”

Сказал: “Не волнуйся. У тебя был там кто-нибудь?”

Я сказал: “Да, больная жена и двое маленьких детей”.

Он сказал: “Они все спаслись”. Сказал: “Они в грузовом вагоне направились в сторону Чарльзтауна”.

Я побежал, сел в свою лодку и. . . то есть сел в свою машину, сзади прикрепил лодку и помчался туда. . . Те притоки разошлись на две с половиной или три мили шириной. И всю ночь я пытался. . . Некоторые говорили: “Этот вагон, товарный вагон, все грузовики смыло оттуда с эстакады”.

Я обнаружил, что меня отрезало на небольшом острове, и находился там три дня. У меня было много времени, чтобы подумать, “чепуха” Это или нет. Просто бился: “Где же моя жена?”

Наконец, когда я через несколько дней нашёл её, после того как выбрался и переехал, она была в Колумбусе, штат Индиана, в баптистской аудитории, где они разместили госпиталь, комнаты для больных на раскладушках. Я побежал к ней изо всех сил, разыскивая её, я кричал: “Хоуп! Хоуп! Хоуп!” И я посмотрел, и вот она лежала там на раскладушке с туберкулёзом.

Она подняла свою костлявую руку и сказала: “Билли”.

Я подбежал к ней, я сказал: “Хоуп, дорогая”.

Она сказала: “Я ужасно выгляжу, да?”

Я сказал: “Нет, дорогая, ты выглядишь хорошо”.

Около шести месяцев мы, как только могли, пытались спасти её жизнь, но ей становилось хуже и хуже.

Однажды я патрулировал, и у меня было включено радио, я услышал, как сказали, это был вызов по радио, сказали: “Для Уилльяма Бранхама, отправляйтесь в госпиталь, ваша жена умирает”. Я помчался обратно в госпиталь, включил красную мигалку и сирену, и помчался. Я приехал в госпиталь, остановился, вбежал. Я шёл через госпиталь и увидел своего старого друга Сэма Эдера, с которым вместе рыбачили, ещё мальчишками бегали вместе.

Доктор Сэм Эдер — это тот, о котором не так давно было то видение, было сказано ему о клинике. И он сказал, что если кто-то сомневается в том видении, то спросите его, если хотите узнать, так это было или не так.

И вот он выходит там, и у него в руке была шляпа. Он посмотрел на меня и заплакал. Я подбежал к нему, обхватил его руками. Он обнял меня, сказал: “Билли, она уходит”. Он сказал: “Я сожалею. Я сделал всё, что мог сделать, я нашёл специалистов и всё остальное”.

Я сказал: “Нет Сэм, она не уйдёт!”

Он сказал: “Она уходит”.

Он сказал: “Не входи туда, Билл”.

Я сказал: “Сэм, я должен войти”.

Он сказал: “Не делай этого. Пожалуйста, не делай”.

Я сказал: “Дай мне войти”.

Сказал: “Я пойду с тобой”.

Я сказал: “Нет, ты оставайся здесь. Я хочу быть с ней в последние минуты”.

Сказал: “Она без сознания”.

Я вошёл в палату. Там сидела медсестра, и она плакала, потому что они с Хоуп были школьными подругами. Я посмотрел, она начала плакать, закрыла лицо рукой. Она встала и отошла.

Я посмотрел, я дотронулся до неё. И вот она, она, наверное, наполовину потеряла в весе. Я—я встряхнул её. Если я буду жить до ста лет, я и тогда не забуду, что произошло. Она повернулась, и на меня взглянули те большие прекрасные глаза. Она улыбнулась. Она сказала: “Почему ты позвал меня назад, Билли?”

Я сказал: “Дорогая, я сделал. . . меня только что известили”.

Я должен был работать. Мы были в долгах и сотни долларов задолжали докторам по счёту, и нечем было платить. И мне просто приходилось трудиться. И я виделся с ней два-три раза в день, и каждую ночь, когда она была в таком состоянии.

Я сказал: “Что ты хочешь этим сказать — ‘позвал’ тебя ‘назад’?”

Она сказала: “Билл, ты проповедовал об Этом, ты говорил об Этом, но ты не имеешь понятия, что Это”.

Я спросил: “О чём ты говоришь?”

Она сказала: “О Небесах”. Она сказала: “Послушай, — сказала она, — меня сопровождали домой какие-то люди, мужчины или женщины, или ещё кто-то, они были в белом”. Она сказала: “У меня был мир и покой”. Сказала: “Большие красивые птицы перелетали с дерева на дерево”. Она сказала: “Не подумай, что я вне себя”. Она сказала: “Билли, я хочу сказать тебе нашу ошибку”. Она сказала: “Присядь”. Я не сел; я встал на колени, взял её руку. Она сказала: “Ты знаешь, когда мы сделали ошибку?”

Я сказал: “Да, дорогая, я знаю”.

Она сказала: “Мы не должны были слушать маму. Те люди были правы”.

Я сказал: “Я знаю это”.

Она сказала: “Пообещай мне, что ты пойдёшь к тем людям, — сказала, — потому что они правы”. И она сказала: “Так воспитывай наших детей”. И я. . . Она сказала: “Я хочу тебе что-то сказать”. Она сказала: “Я умираю, но, — сказала, — это. . . я не боюсь уходить”. Сказала: “Это—это прекрасно”. Она сказала: “Единственное, мне больно оставлять тебя, Билл. И я знаю, что ты должен растить этих двух маленьких детей”. Она сказала:

“Обещай мне, что—что ты не останешься одиноким и не позволишь моим детям слоняться из угла в угол”. Для матери двадцати одного года это казалось здоровым.

Я сказал: “Я не могу обещать это, Хоуп”.

Она сказала: “Пожалуйста обещай мне”. Сказала: “Я хочу сказать тебе одну вещь”. Сказала: “Ты помнишь то ружьё?” Я просто помешан на ружьях. И она сказала: “Ты тогда хотел купить то ружьё, но тебе не хватило денег, чтобы внести начальную плату”.

Я сказал: “Да”.

Она сказала: “Я сэкономила денег, мои пяточки, чтобы собрать начальный взнос на то ружьё для тебя”. Она сказала: “Так вот, когда всё закончится и ты вернёшься домой, посмотри на двойную. . . то есть складную кровать, и там под листочком бумаги наверху, ты найдёшь там деньги”. Она сказала: “Пообещай мне, что ты купишь то ружьё”.

Вы не представляете, что я чувствовал, когда увидел лежащие там доллар и семьдесят пять центов пятаками. Я купил ружьё.

И она сказала: “Ты помнишь, как тогда ты пошёл в город купить мне мне пару чулок, и мы собирались в Форт Вейн?”

Я сказал: “Да”.

Я приехал с рыбалки и она сказала. . . Нам надо было ехать в Форт Вейн, я должен был проповедовать в тот вечер. И она сказала: “Ты знаешь, я тебе говорила, что ‘есть два разных вида’.” Один называют “шифон”. А как там другой, “капрон,” правильно? Шифон и капрон. Вот, какой там, шифон был лучше. Правильно? И она сказала: “Вот, ты купи мне шифон, в стиле”. Вы знаете, у этих чулок там сзади и доверху идут такие штуки? Я понятия не имел о женской одежде, так что я. . .

И я шёл по улице и повторял: “Шифон, шифон, шифон, шифон”, стараясь думать об этом “шифон, шифон, шифон”.

Кто-то крикнул: “Привет Билли!”

Я сказал: “О привет, привет”. “Шифон, шифон, шифон, шифон, шифон”.

Я дошёл до угла и встретил мистера Спона. Он сказал: “Привет, Билли, ты знаешь, что сейчас на той стороне дамбы клюёт окунь?”

Я сказал: “Ты уверен, точно?”

“Да-а”.

Как только отошёл от него, я подумал: “Как называлась эта штука?” Я забыл.

А моя знакомая Тельма Форд работала в дешёвом магазине. И я знал, что она продаёт там женские чулки, итак я пошёл туда. Я сказал: “Привет, Тельма”.

Она сказала: “Привет, Билли. Как дела? Как там Хоуп?”

Я сказал: “Отлично”. Я сказал: “Тельма, мне нужно пару носков для Хоуп”. Она сказала: “Хоуп не хочет носков”.

Я сказал: “Хочет, мадам, она хочет”.

Сказала: “Ты имеешь в виду чулки”.

“О, точно, — сказал я, — именно это”. Я подумал: “Ага, блеснул своим невежеством”.

Она сказала: “А какие она хочет чулки?”

Я подумал: “Ох!” Я сказал: “А какие у вас есть?”

Она сказала: “Ну, у нас есть капрон”.

Я не видел никакой разницы. Капрон, шифон, звучало одинаково. Я сказал: “Вот это мне и нужно”. Она сказала. . . Я сказал: “Заверни мне парочку, по стилю”. И она. . . Я неправильно сказал. Как это? По моде. “По моде”. Итак я сказал: “Заверни парочку”.

И когда она протянула их мне, оказалось, что они стоили только каких-нибудь тридцать центов, двадцать или тридцать центов, где-то в полцены. Что ж, я сказал: “Дай мне две пары”. А?

И я вернулся домой, я сказал: “Ты знаешь, дорогая, вот вы, женщины, ходите по магазинам по всему городу, пока сторгуется”. Вы знаете, как любят кукарекать. Я сказал: “Но вот, взгляни-ка, я купил две пары за такую же цену, за какую ты покупаешь одну. Видишь?” Я сказал: “Вот так, благодаря моим способностям”. Видите, я сказал—я сказал: “Ты знаешь, это мне продала Тельма”. Я сказал: “Ей пришлось уступить их мне за пол цены”.

А она спросила: “Ты купил шифон?”

Я сказал: “Да, мадам”. Для меня всё это звучало одинаково, я не видел разницы.

И она рассказала мне, она сказала: “Билли”. Мне показалось странным, что когда мы приехали в Форт Вейн, она купила ещё пару чулок. Она сказала: “Я отдам их твоей матери, — сказала она, — это для женщин старшего возраста”. И она сказала: “Я сожалею, что я тогда так поступила”.

Я сказал: “Ну что ты, всё хорошо, дорогая”.

И она сказала: “Так вот, ты не—не оставайся один”. И она сказала. . . Она не знала, что случится через несколько часов. И я держал в своих руках её дорогие руки, в то время, как ангелы Божьи уводили её.

Я пошёл домой. Я не знал, что мне делать. Я лежал там ночью и услышал. . . Я думаю, что это была мышка, там в старом камине, где у нас лежала какая-то бумага. Я захлопнул дверь ногой, а там за ней висел её халат, (а она лежала там в морге). И через некоторое время меня кто-то позвал: “Билли!” Это был Брат Франк Брой. Он сказал: “Твой ребёнок умирает”.

Я сказал: “Мой ребёнок?”

Сказал: “Да, Шарон Роуз”. Сказал: “Сейчас там Док, он сказал: ‘у неё туберкулёзный менингит, она заразилась от своей матери через питание’.” Сказал: “Она умирает”.

Я сел в машину и поехал туда. И вот она, моя миленькая. Они доставили её в госпиталь.

Я пошёл увидеть его. Сэм подошёл и сказал: “Билли, не ходи в ту палату, ты должен подумать о Билли Поле”. Сказал: “Она умирает”. Я сказал: “Док, я должен увидеть моё дитя”.

Он сказал: “Нет, ты не можешь идти”. Сказал: “У неё менингит, Билли, и ты перенесёшь его Билли Полю”.

И я подождал, пока он выйдет. Я не мог перенести её смерти, а её мать лежала там в похоронном учреждении. Я говорю вам: тяжёлый путь преступника. Я пошёл, проскользнул в дверь, и когда Сэм вышел и медсестра вышла, я спустился в подвал. Это такой небольшой госпиталь. Она была в изоляторе, и на её глазках сидели мухи. У них была...мы называем это “накомарник”, то есть сеточка на глазах. И у неё...были спазмы, её пухленькая ножка вот так подёргивалась, и ручки её тоже, от этих спазм. Я смотрел на неё, она была уже достаточно большая и умная, около восьми месяцев.

Её мама обычно сажала её в маленькой косыночке, там во дворе, когда я возвращался. И я дудел в рожок, и она начинала: “Гу-гу, гу-гу”, тянулась ко мне, вы знаете. И вот, там лежала моя дорогулечка и умирала. Я наклонился над ней, я сказал: “Шерри, ты узнаёшь папу, Шерри?” И когда она взглянула...Она так тяжело страдала, что её прекрасные голубые глазки перекозились. Моё сердце разрывалось.

Я встал на колени: “Господь, что же я сделал? Разве я не проповедовал Евангелие на углах улиц? Я делал всё, что только знал. Не будь против меня. Я никогда не называл тех людей ‘отбросами’. Это она назвала их ‘отбросами’.” Я сказал: “Я сожалею обо всём случившемся. Прости меня. Не забирай моё дитя”. И когда я молился, казалось, будто чёрная...сошла как пелена или как покрывало. Я понял, что Он отказал мне.

Вот, это было самое тяжёлое и самое коварное время моей жизни. Когда я поднялся и посмотрел на неё, и я подумал...сатана подкинул в мой разум: “Что ж, вот ты проповедовал изо всех сил, и так жил, и вот, когда коснулось твоего собственного ребёнка, Он отвернулся?”

И я сказал: “Правильно. Если Он не может спасти моего ребёнка, тогда я не могу...” Я остановился. Я—я просто не знал, что делать. И тогда я сказал: “Господь, Ты дал её мне и Ты забрал её, да будет благословенно Имя Господне! Даже если Ты меня заберёшь, я всё равно буду любить Тебя”.

Я положил на неё свою руку и сказал: “Благословляю тебя, дорогая моя. Папа хотел бы поднять тебя, всем своим сердцем хотел бы растить тебя, и воспитывать тебя в любви к Господу. Но Ангелы идут за тобой, дорогая. Папа возьмёт твоё маленькое тельце и положит на мамины руки. Я похороню тебя с ней. И однажды папа встретит тебя, ты будешь просто ожидать там с мамой”.

Когда её мать умирала, её последние слова были, она сказала: “Билл, оставайся на поле битвы”.

Я сказал: “Я буду. . .” Она сказала. . . Я сказал: “Если во время Его прихода я окажусь на поле битвы, мы встретимся вместе с детьми. А если нет, то меня похоронят возле тебя. А ты придёшь к тем великим воротам и встанешь по правую сторону, и когда увидишь, как все будут входить, стой там и громко зови: ‘Билл! Билл! Билл!’” Я поцеловал её на прощание. И сегодня я на поле битвы. Прошло уже лет двадцать. Я назначил свидание своей жене, и я встречаю её.

И я взял своё дитя, когда она умерла, и положил её на руки её матери, и мы унесли на кладбище. И я стоял там и слушал, как на похоронах проповедовал Брат Смит, методистский проповедник: “Пепел к пеплу, и прах к праху”. (И я подумал: “А сердце к сердцу”.) Она ушла туда.

Вскоре после этого, однажды утром, я забрал маленького Билли. Он был такой маленький дружок. Он был. . .

Вот почему мы с ним так неразлучны, мне приходилось быть ему и папой и мамой (одновременно). Я носил его бутылочку. Мы не могли себе позволить топить ночью, чтобы его молочко было тёплым, так что я клал бутылочку себе под спину и согревал теплом своего тела.

Мы были с ним как приятели, и в те дни, когда я уйду с этого поприща, я хочу вручить ему Слово, и сказать: “Иди дальше, Билли. Оставайся с Ним”. Некоторые люди удивляются, почему я всё время беру его с собой. Я не могу его бросить. Он уже женат, но я всё ещё помню, как она сказала мне: “Будь с ним”. И мы неразлучны как верные друзья.

Я помню, как мы шли по городу, в руке у меня бутылочка, он начал плакать. Однажды вечером он. . .мы гуляли там на задворках и просто. . .(это было как раз перед его рождением, она задыхалась, и. . .просто девочка, вы знаете.) И я ходил туда-сюда под тем старым дубом в конце двора. И он плакал и звал свою маму, а я не мог отвести его к маме. И я взял его, я сказал: “О дорогой мой”. Я сказал. . .

Он сказал: “Папа, где моя мама? Ты положил её в ту землю?”

Я сказал: “Нет, дорогой, с ней хорошо, она там на Небесах”.

И однажды он сказал мне что-то, это чуть не убило меня. Он плакал, уже было поздно вечером, я носил его *вот так*, положив на плечо, носил его на руках и похлопывал его *вот так*. И он сказал: “Папа, пожалуйста, иди за мамой и приведи её сюда”.

Я сказал: “Дорогой мой, я не могу привести маму. Иисус. . .”

Он сказал: “Тогда скажи Иисусу, чтобы прислал мне мою маму. Она мне нужна”.

Я сказал: “Ладно, дорогой мой, я. . .мы с тобой как-нибудь пойдём навестить её”.

И он остановился, сказал: “Папа!”

Я спросил: “Что?”

Он сказал: “Я увидел маму вон на том облаке”.

О, это чуть не убило меня! Я подумал: “О! ‘Я увидел маму вон на том облаке’.” Я чуть не упал в обморок. Я обхватил моего малыша, прижал его *вот так* к своей груди и с опущенной головой пошёл домой.

Проходили дни. Я не мог этого забыть. Я работал. Трудно было возвращаться домой, это уже не было домом. Мне хотелось остаться. У нас не было ничего кроме той старой поношенной мебели, но было нечто, чему мы вместе с ней радовались. Это было домом.

Я помню, как однажды, я тогда работал на государственной службе. Я забрался, чтобы демонтировать старую вторичную линию, которая провисала, это было раннее утро. Я забрался на тот крест. (Я не мог забыть своё дитя, я смог перенести, как уходила моя жена, но как уходило это дитя, просто крошечка.) И я был там, и я пел: “На Голгофской горе вижу старый тот Крест”. Первичная шла в трансформатор и выходила (вы знаете) во вторичную. И я там висел на ней. И я взглянул, а как раз за мной всходило солнце. Мои руки были вытянуты, и я увидел на склоне холма знак того Креста. Я подумал: “Да, это мои грехи отправили Его туда”.

Я сказал: “Шарон, дорогая моя, папочка так хочет видеть тебя, дорогая. Как я опять хотел бы держать тебя в своих руках, мою дорогую крошечку”. Я был просто вне себя. Проходили недели. Я снял свою резиновую перчатку. Рядом со мной был провод, по которому бежало две тысячи триста вольт. Я снял резиновую перчатку. Я сказал: “Боже, я не хочу этого делать. Я труслив”. “Но, Шерри, папа идёт встретиться с тобой и с мамой, через несколько минут”. Начал снимать свою перчатку, чтобы положить руку на две тысячи триста вольт. Это уничтожило бы. . .Ещё бы, в тебе не осталось бы даже крови. И вот я—я—я начал стягивать ту перчатку и что-то произошло. Когда я пришёл в себя, я сидел на земле, закрыв руками своё лицо и рыдал. Это была Божья милость, иначе у меня здесь не было бы служений исцеления, это точно. Это Он сохранил Его дар, а не меня.

Я отправился домой. Я убрал свои инструменты и прекратил. И пошёл назад, я сказал: “Я отправляюсь домой”.

Я обошёл вокруг дома и забрал почту, было холодно, я вошёл в дом. У нас была одна маленькая комната, я спал там на раскладушке, начинались морозы, печь была старая. Я взял почту и посмотрел, и первое, что увидел — это были её сбережения к рождеству, восемьдесят центов, “Мисс Шарон Роуз Бранхам”. Ну вот, опять.

Я был инспектором по охране дичи. Я протянул руку и достал из кобуры свой пистолет. Я сказал: “Господь, я не могу больше, я умираю. Для меня это такая пытка”. Я взвёл курок, приставил к голове и встал на колени у кровати в тёмной комнате. Я сказал: “Отче наш, Суший на Небесах, да святится Имя Твоё. Да приидет царствие Твоё, да будет воля Твоя”, нажал на курок изо всех сил, я сказал: “на земле как и небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день”. Он не выстрелил!

И я подумал: “О Боже, Ты рвёшь меня на части? Что я сделал? Ты даже не даёшь мне умереть”. Я бросил пистолет, он упал и в комнате раздался выстрел. Я сказал: “Боже, почему я не могу умереть и избавиться от этого? Я просто не могу больше. Ты должен сделать что-то со мной”. И я упал и начал рыдать там на своей старой грязной койке.

И я, должно быть, уснул. Я не знаю, или я спал или что-то произошло.

Я всегда мечтал оказаться на Западе. Я всегда хотел одну из таких шляп. Мой отец в молодые годы объезжал лошадей, и я всегда хотел иметь одну из таких шляп. И Брат Димос Шакарьян купил мне вчера одну, это у меня такая первая, из таких западных шляп.

И мне представлялось, что я скачу через прерии, напевая ту песню: “Колесо повозки сломалось, там продаётся ранчо”. И немного дальше я заметил старую закрытую повозку, как старый фургон переселенцев, и колесо было сломано. Конечно, это представляло мою разломанную семью. И когда я приблизился, я посмотрел, и там стояла хорошенькая юная девушка, ей было лет двадцать, белые ниспадающие волосы и голубые глаза, одета в белое. Я взглянул на неё, я сказал: “Здравствуйте”. Поехал дальше.

Она сказала: “Привет, папа”.

Я обернулся, я сказал: “Папа?” “Почему, — спросил я, — как это, мисс, вы... я могу быть вашим отцом, когда вам столько же лет как и мне?”

Она сказала: “Папочка, ты просто не знаешь, где ты находишься”.

Я спросил: “Что вы имеете в виду?”

Она сказала: “Это Небеса”. Сказала: “На земле я была твоей маленькой Шарон”.

“Как это, — сказал я, — дорогая, ты была просто младенцем”.

Сказала: “Папочка, младенцы здесь не младенцы, они бессмертные. Они никогда не стареют и никогда не растут”.

И я сказал: “Что ж, Шарон, дорогая, ты прекрасная молодая женщина”.

Она сказала: “Тебя ждёт мама”.

Я спросил: “Где?”

Она сказала: “В твоём новом доме”.

Я спросил: “В новом доме?” Бранхамы странники, у них нет домов, они просто... И я сказал: “Вот, у меня никогда не было дома, дорогая”.

Она сказала: “Но здесь у тебя есть дом, папочка”. Я не хочу показаться ребёнком, но это и сейчас для меня настолько реально. [Брат Бранхам плачет—Ред.] Когда я начинаю думать об этом, это опять оживает передо мной. Сказала: “Но здесь у тебя есть дом, папочка”. Я знаю, что там он у меня есть, однажды я уйду туда. Она сказала: “Где мой брат Билли Поль?”

Я сказал: “Я оставил его у миссис Брой, всего несколько минут назад”.

Сказала: “Мама, хочет увидеть тебя”.

Я обернулся и увидел, — там был большой дворец и его окружала Слава Божья. И я услышал, как Ангельский хор поёт: “Мой Дом, дорогой Дом”. Я начал подниматься по широким ступеням, бежал изо всех сил. Добежал до двери и вот стоит она, в белой одежде, длинные тёмные волосы покрывали её плечи. Она протянула свои руки, как она всегда делала, когда я уставший приходил с работы или ещё откуда-нибудь. Я взял её за руки, я сказал: “Дорогая, я там видел Шарон”. Я сказал: “Она стала прекрасной девушкой, правда?”

Она сказала: “Да, Билл”. Она сказала: “Билл”. Положила свои руки мне на плечи и, похлопывая меня, она сказала: “Перестань беспокоиться обо мне и о Шарон”.

Я сказал: “Дорогая, я ничего не могу поделать”.

Она сказала: “И мне и Шарон здесь лучше, чем тебе”. И сказала: “Больше о нас не беспокойся. Ты мне обещаешь?”.

И я сказал: “Хоуп, — сказал я, — я так тосковал о тебе и о Шарон, и Билли всё время плачет о вас”. Я сказал: “Я не знаю, что с ним поделать”.

Она сказала: “Всё будет хорошо, Билл”. Она сказала: “Только пообещай мне, что ты не будешь больше беспокоиться”. И она сказала: “Может присядешь?” Я оглянулся вокруг — там стоял большой стул.

Я помню, как я пытался купить стул. Ну, уже заканчиваю. Однажды я пытался купить стул. У нас были эти старые обычные деревянные стулья, столовый набор. У нас были только эти стулья. И мы смогли купить один из таких стульев, где ты можешь откинуться на спину, как... Я забыл, что это был за мягкий стул. Он стоил семнадцать долларов, и надо было заплатить три доллара сразу и потом по доллару в неделю. И мы один заимели. О, когда я приходил... я работал весь день, и до полуночи проповедовал на улицах и повсюду, где только мог.

И—и однажды я не смог оплатить. Нам не удалось это, проходили день за днём, и наконец, однажды они пришли и забрали мой стул. В тот вечер, я никогда этого не забуду, она испекла мне вишнёвый пирог. Бедняжка, она знала, что я огорчён. И после ужина я сказал: “Что это ты сегодня такая добрая, дорогая?”

Она сказала: “Слушай, я попросила соседских мальчишек накопать червячков. Как ты думаешь насчёт того, чтобы пойти на речку и немного порыбачить?”

Я сказал: “Да, но...”

И она заплакала. Я почувствовал, что что-то не в порядке. У меня мелькнула мысль, потому что они уже уведомяли меня, что придут его забирать. Нам не удалось внести тот доллар за неделю. Мы не могли, не... не смогли себе этого позволить. Она обняла меня, я подошёл к двери — моего стула не было.

И Там она мне сказала: “Билл, ты помнишь тот стул?”

Я сказал: “Да, дорогая, я помню”.

Сказала: “Ты об этом подумал, не так ли?”

“Да-а”.

Она сказала: “Этот они не заберут, за этот уплачено”. Она сказала: “Присядь на минуту, я хочу поговорить с тобой”.

Я сказал: “Дорогая, я этого не понимаю”.

Она сказала: “Обещай мне, Билли, обещай мне, что ты не будешь больше беспокоиться. Ты теперь уйдёшь обратно”. И добавила: “Обещай мне, что не будешь беспокоиться”.

Я сказал: “Я не могу этого, Хоуп”.

И тогда я начал возвращаться, в комнате было темно. Я огляделся вокруг, я чувствовал на себе её руки. Я сказал: “Хоуп, ты здесь в комнате?”

Она стала слегка похлопывать меня. Она сказала: “Ты пообещаешь мне, Билл? Обещай мне, что ты не будешь. . . больше беспокоиться”.

Я сказал: “Я обещаю тебе”.

И затем она два или три раза дотронулась до меня и тогда она исчезла. Я вскочил и включил свет, осмотрел повсюду, она исчезла. Но она просто пропала из комнаты. Она не пропала, она всё ещё живёт. Она была Христианкой.

Через некоторое время мы с Билли были на кладбище, принесли цветы для его матери и сестры, в пасхальное утро, и мы остановились. Мой малыш начал плакать, он сказал: “Папочка, моя мама там внизу”.

Я сказал: “Нет, дорогой. Нет, она не внизу. Сестричка не внизу. Мы положили их сюда в могилу, но там за морями, где воскрес Иисус, там раскрытая могила. И однажды Он придёт, Он приведёт с собой сестру и маму”.

Сегодня я на поле битвы, друзья. Я—я просто не могу больше говорить. Я. . . [Брат Бранхам рыдает—Ред.] Благословит вас Бог. Давайте на минуту склоним наши головы.

О Господь! Много раз, Господь, я уверен, что люди не понимают, когда они думают, что всё это так легко. Но грядёт великий день, когда придёт Иисус и уберёт все эти печали. Я молю, Небесный Отец, чтобы Ты помог нам подготовиться.

И то последнее обещание, когда я в то утро поцеловал её в щеку, что я встречу её там в тот день. Я верю, что она будет стоять у колонны, будет громко кричать моё имя. И с тех пор, Господь, я жил и был верен тому обещанию, по всему миру, во всех местах, пытаюсь нести Евангелие. И теперь старею, и устал, я измучился. В один из дней я закрую эту Библию в последний раз. Боже, храни меня верным этому обещанию. Пусть милость Твоя окружает меня, Господь. Дай мне не смотреть на то, что в этой жизни, но жить для потустороннего. Дай мне быть честным. Я не прошу лёгкого пути, нет, Господь, когда мой Христос умер в страданиях. И остальные из них умерли подобным образом. Я не прошу ни о чём лёгком. Но только дай мне быть честным и верным, Господь. Дай людям любить меня, чтобы я мог вести их к Тебе. И однажды, когда всё это закончится и мы соберёмся под вечнозелёными деревьями, я хочу взять её за руку и провести её, и показать людей из Храма Ангела и всех остальных. Тогда это будет великое время.

Я молю, чтобы на каждом из нас здесь почивала милость Твоя. И на тех, Господь, которые здесь и, может быть, даже не знают Тебя. И, может быть, у них есть там за морем их близкие. Если они не исполнили своего обещания, пусть они сделают это теперь, Господь.

И пока мы стоим со склонёнными головами, мне интересно сегодня в этой огромной аудитории, сколько из вас скажут: “Брат Бранхам, я тоже хочу встретиться с моими близкими. По ту сторону реки у меня есть близкие”. Может быть, вы обещали, что встретитесь с ними, может быть, когда ты сказал маме в тот день там на могиле “до свидания”, может быть, когда ты сказал сестрёнке “до свидания” или папе, или кому-то из них на могиле, обещал, что встретишься с ними, но ты—ты ещё не сделал приготовлений. Сейчас самое время сделать это, не правда ли?

Простите мои переживания. Но, о, ты не представляешь, друг. Ты не знаешь, что—что это жертва! Это не совсем история жизни.

Кто из вас хотел бы сейчас подняться и пройти сюда для молитвы, сказать: “Я хочу встретиться с моими близкими”? Поднимитесь там в аудитории и пройдите сюда. Ты сделаешь это? Если кто-то ещё не сделал приготовлений. Благословит вас Бог, сэр. Я вижу, как идёт пожилой негр, и другие идут. Двигайтесь, кто там на балконах, направляйтесь к проходу. Или встаньте, те, кто желает быть вспомнутым сейчас в молитве. Вот так. Встаньте на ноги. Это хорошо. Поднимитесь повсюду, те, которые скажут: “Там у меня отец, там у меня мать или мои близкие. Я хочу увидеться с ними. Я хочу встретить их в мире и покое”. Поднимитесь, встаньте на ноги там, где вы находитесь. Встаньте на ноги, скажите: “Я хочу принять”.

Благословит вас Бог, женщина. И там пусть Бог благословит вас. И там пусть благословит. Благословит вас Господь, сэр. Правильно. Там на балконе, благословит вас Господь. Повсюду, встаньте на ваши ноги сейчас для слова молитвы, Дух Святой здесь и действует в сердцах наших, чтобы поднять.

Вы знаете, в чём сегодня нуждается церковь, — это в поднятии, в отрыве. Мы должны пойти в Дом Горшечника. Наша жёсткая доморощенная теология иногда не срабатывает. В чём мы нуждаемся — это в старомодном отрыве, в покаянии в сердцах наших, чтобы смягчились для Бога. Это все, которые готовы встать?

Тогда давайте склоним наши головы для молитвы.

О Господь, Который опять привёл Иисуса... из мёртвых, чтобы оправдать всех нас через веру, веруя. Я молю, Господь, чтобы те, которые сейчас поднялись, приняли Тебя, я молю о прощении для них. О Господь, я молю, чтобы они приняли Тебя, как своего Спасителя, Царя и Возлюбленного. И, может быть, за морем у них мама или папа или ещё кто-нибудь. Есть одна уверенность, что у них есть Спаситель. Да будут прощены их грехи, и да изгладит их беззаконие, и да будут души их омыты в Крови Агнца, и пусть живут они в мире отныне и впредь.

И в один славный день, когда всё закончится, дай нам встретиться в Доме Твоём, и быть там неразрывными семьями, чтобы встретить наших близких, ожидающих на той стороне. Вот, мы посвящаем их Тебе, чтобы “Ты сохранил их в совершенном мире, сердца которых уповают на Тебя”. Даруй это, Господь, когда мы посвящаем их Тебе. Во Имя Сына Твоего, Господа Иисуса. Аминь.

Благословит вас Бог. Я уверен, что работники видят, где вы стоите, и через несколько минут они будут рядом с вами.

А теперь к тем, кто желает получить молитвенные карточки. Билли, где Джин и Лео, они в конце? Они здесь через несколько минут будут раздавать молитвенные карточки. Брат распустит собравшихся в молитве и будут розданы молитвенные карточки. Мы вернёмся сюда очень скоро для молитвы за больных. Хорошо, Брат.

БРАТ УИЛЛЬЯМ МАРРИОН БРАНХАМ

“История моей жизни” была произнесена в воскресный день 19 апреля 1959 года в Храме Ангела в Лос-Анджелесе, Калифорния, США.

“Как ко мне пришёл Ангел и его поручение” была произнесена в понедельник вечером 17 января 1955 года в Высшей технической школе Лэйн, в Чикаго, штат Иллинойс, США.

Эти проповеди Брата Уилльяма Марриона Бранхама, первоначально напечатанные на английском языке в книге *“Следы на песках времени”* в апреле 1975 года, были взяты с записей на магнитофонной ленте и напечатаны на английском языке без сокращений. Этот русский перевод был опубликован в 1996 году издательством “Voice Of God Recordings”.

Эти книги издаются и распространяются на добровольные пожертвования верующих.

VOICE OF GOD RECORDINGS

P.O. Box 950, Jeffersonville, Indiana 47131 U.S.A.

Адреса для желающих написать нам на русском языке:

ФИНЛЯНДИЯ
ЕНТООВАЛОН САНОМА РЫ
PL 159
00531 HELSINKI

На английском языке:

VOICE OF GOD RECORDINGS
P.O. Box 950, Jeffersonville, Indiana 47131 U.S.A.

Уведомление об авторском праве

Все права закреплены. Разрешена распечатка этой книги на домашнем принтере для личного использования или безвозмездной передачи другому человеку в качестве средства распространения Евангелия Иисуса Христа. Запрещается продавать эту книгу, тиражировать в больших количествах, размещать на сайтах в Интернете, вносить в поисковые системы, переводить на другие языки или использовать для ходатайства о предоставлении материальной помощи без особого письменного разрешения со стороны издательства Voice Of God Recordings®.

За дополнительной информацией о других имеющихся в наличии материалах обращайтесь по следующему адресу:

VOICE OF GOD RECORDINGS
P.O. Box 950, JEFFERSONVILLE, INDIANA 47131 U.S.A.
www.branham.org